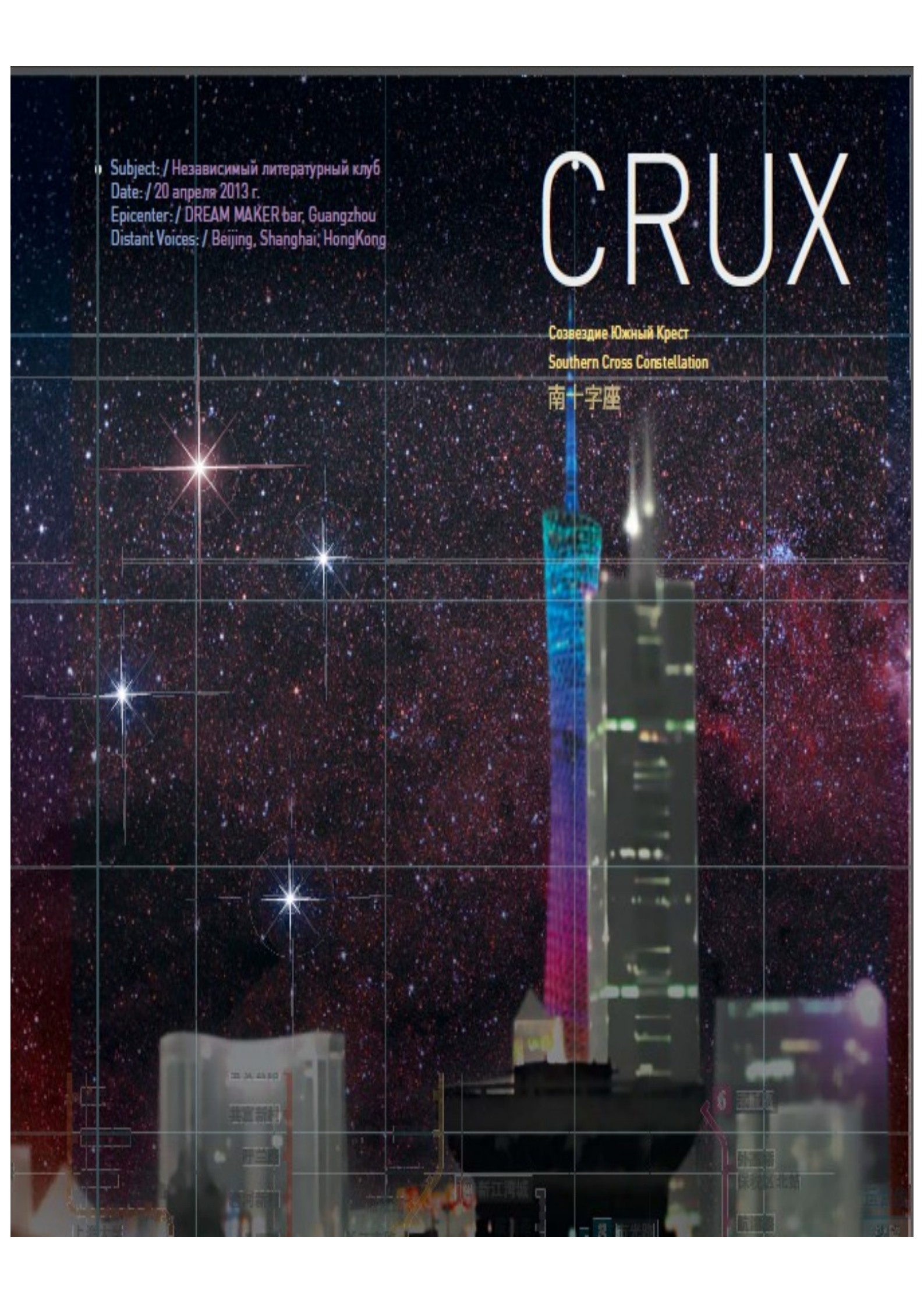

Subject: / Независимый литературный клуб
Date: / 20 апреля 2013 г.
Epicenter: / DREAM MAKER bar, Guangzhou
Distant Voices: / Beijing, Shanghai, HongKong

CRUX

Созвездие Южный Крест
Southern Cross Constellation
南十字座

От редактора	3
Первая литературная встреча.....	7
Алимов И.А.	14
Переводы	15
Крисской А.Н.....	16
Переводы	17
Марченко В.А.	20
Китай. Записки из чемодана (отрывок)	21
Китай. Как стать сюнди (отрывок)	22
о.Александр (Панасенко)	26
Стихи	27
Грант Грантов	32
Нет Шанхая и Багдада	33
Вася-морячок	34
Леонтина	40
Стихи	41
Матвеев И.А.	44
Проект «Ляньюнган» (отрывки)	45
Громакова М.	56
Стихи	57
Горчаров Е.	64
Маски в китайском ресторане	65
Два неразумных желания	67
Анна Виктория	72
Из дневника	73
Тони Гау	84
Китаяночку	85
Синицкая П.	98
Стихи	99
Майские яблоки	102
Эпилог	108

Дорогие друзья!

Начну с банальности, чтобы раз и навсегда сбросить с плеч долой и не возвращаться более к ней¹: в каждом человеке сидит рассказ (повесть, поэма, роман) – и, чаще всего, ненаписанный. Кому-то удаётся доверить бумаге (или электронам) свои художественные порывы, а кто-то насилует себя, загоняя нерождённый рассказ в дальние сумеречные катакомбы сознания тихо тлеть рядом с несделанным шагом, нераскрытой любовью, пережженным временем, неиспрошенным прощением, депрессивной и поэтому наспех накрывающей брезентом забытая формулой «уже-поздно».

Когда-то один старик-американец, мой давний друг и в чем-то, пожалуй, вдохновитель, Нэт Хупер, ди-джей радио 60-х, музыкант и программист-самоучка в 70 лет, сказал мне, *Тони, а ведь, находясь в Китае, ты видишь все это, уже приевшееся и замылившее тебе глаз, - а миллионы людей живут в своих рутинных колеях маленьких и больших городов, света белого не видя — и единственный шанс для них узреть мир — это через твои рассказы: они ведь никогда в жизни не видели и не увидят того, что видишь каждый день ты. И ты даже не представляешь, как хочется им это увидеть.*

Поэтому мы, живущие в Китае, проживаем и пропускаем через себя такие пласты жизненных и культурных диковин, которые интересны и недоступны многим другим. А индивидуальный угол зрения, через который преломляется реальность, - общая, казалось бы, для всех лаоваев, - неповторим и интересен таким же лаоваям-соседям по Китаю. Не это ли причина начать творить?! А если помножить такую причину на хотя бы отблеск вдохновения, да если в школе научили складывать буквы в слова — то сами звезды располагаются в созвездие, которое..., впрочем, вы уже поняли, к чему я.

Данный альманах является сборником литературных работ русскоязычных людей, так или иначе связанных с Китаем. Начинаясь он с желания отдельных русскоговорящих обитателей южного Китая показать друг другу свои работы, встретиться и даже, может быть, провести некий литературный салон, при всей иронии данного словосочетания.

Такая встреча случилась 20 апреля 2013 года в г. Гуанчжоу. В ночи и в страшную грозу. Несмотря на которую удалось прочитать и послушать произведения наших русскоговорящих соседей, - дизайнеров, технарей, преподавателей, и даже одного священника. К сожалению, еще большее количество произведений прочитать и послушать не удалось. Но экспромтные истории участников, ожидающие своего литературного воплощения, с лихвой перевешивали это небольшое недоразумение.

Отпускать творчество собратьев и соотечественников лишь выдохом в зной

¹При этом трюизмы, как правило, говорят об истинном положении вещей и вина их лишь в многочисленных повторениях.

субтропиков показалось негуманным, и по результатам нашего литературного салуна выпускается данный «альманах». Скорее, это стенгазета или же рабочие тетради пишущих китаистов — и профессиональных, и, - волею судеб, - любителей. Полноценной публикацией эти тетради не являются, так что можно смело печататься в других изданиях в качестве первой публикации. Копирайты остаются за авторами. Очередность представленных авторов не несёт никакой смысловой нагрузки и отражает исключительно очередность, в которой предоставлялись материалы.

Назвали мы альманах по-латински: “CRUX”, чтобы запутать следы и отдать дань. Но потом поняли, что в этом отчаянном акте имянаречения, как на погруженной в красную рябь проявителя фотобумаге, начинают проступать потаенные логические связи. Посудите сами.

Созвездие Южный Крест (Crux). Еще несколько сот лет назад его можно было видеть на российских широтах, но потом оно, как и все мы, продрейфовало к югу и видно теперь лишь из южного Китая и Южного Полушария. Таким образом, указывается географическое зарождение литературных встреч в южно-тропических широтах. Английское значение «основной, решающий вопрос» тоже добавляет важности. И, опять же, дают о себе знать романтика созвездий и путешествующих согласно им бесстрашных мореплавателей.

В общем, название прижилось.

Планируется проводить литературные встречи пишущих и сочувствующих с завидной регулярностью. Город Гуанчжоу был выбран как эпицентр существования в южном Китае, хотя уже раздаются голоса о проведении подобных мероприятий в других городах и провинциях, чему мы рады и что мы приветствуем. Выпускать альманах планируется по результатам встреч. Но публиковаться приглашаются не только физически присутствующие на встречах и в Китае, - так что смело отправляйте нам свои произведения на редакторский адрес anthgau@gmail.com. Однако хоть какая никакая, но связь с Китаем должна присутствовать — тематика обязывает.

Наше издание не ставит целью из последних сил добиваться литературных высот каждой строки и выверенности каждой буквы. Это, скорее, подиум для того, чтобы выразить себя, посему строгие суждения о литературной ценности произведений приветствуются, хотя и не принимаются, ибо, с одной стороны, пока некуда, а с другой - «каждый пишет, как он слышит» и далее по тексту. Авторы, публикующиеся здесь, не подают заявок на исключительную отточенность литературного мастерства, скорее — на право выразить себя и свой мир. Однако, это не отменяет необходимости беспощадной строгости к себе как к автору.

В связи с тем, что окружающая действительность (а также красное лето) то и дело встаёт на пути, а альманах этот мы творим в свободное от основной деятельности (и отдыха) время, то изготовить наше издание в заявленные сроки

не представлялось возможным. Мы, пожалуй, сгорали бы от стыда, но, к счастью, альманах — как и литературные вечера — это, кроме того, что они являются результатом — еще и действие. Действие, которое нравится делать ради самого действия (см. «Дао»). Так что без лишней суеты, которая требуется где-где, а не в этом случае, альманах — это некая игровая площадка (на которой, при этом, мы играем со всей серьезностью), и, слава Богу, что тут нет никаких дэдлайнов, горячки и дамоклова меча крайних сроков. Как можем, так и делаем. Как говорят китайцы, шаг за шагом к намеченной цели.

Сказав это, необходимо упомянуть про обложку, которую начал делать наш дизайнер, но, из-за серьезных причин семейного характера, закончить не сможет. Мы решили оставить этот недоработанный образ, как напоминание о молодых мечтах, ну и вообще, картинка хорошая. По этой же причине верстка и наполнение фотографиями производилась вашим покорным слугой, прошу проявить снисхождение за непрофессионализм.

Итак, путь в тысячу ли начинается...

О следующем и всех остальных литературных собраниях будет сообщаться дополнительно на [Полушарии](#) и, если сможем его сделать, отдельном сайте.

За сим, представляем вам наш альманах околосингапурского творчества «CRUX».

Тони Гау

P.S. В следующем номере альманаха предполагается поместить интервью Игоря Егорова, выдающегося сингапурца, переводчика (в частности, переводчика китайского писателя Мо Яня, получившего Нобелевскую премию за роман «Большая грудь, широкий зад»). Если вы хотели спросить что-либо у Игоря Егорова, направляйте вопросы на адрес anthgau@gmail.com и мы зададим их Игорю Александровичу.

Дорогие наши читатели и писатели!

Тони Гау замечательно сумел выразить основную суть независимого альманаха как творческой площадки, Гайд-парка для одних, Вудстока для других и простого душевного формата «посиделок» для всех.

Я же, в свою очередь, хочу добавить, что альманах – это прекрасная игровая площадка для того, чтобы поиграть в самого себя. Настоящего. Под ником или псевдонимом, зато от чистого сердца. Можно поругать начальство. Литературно. Можно признаться в любви. В стихах. Можно вылиться речитативом в ритме Хармса или выдохнуть аллюзией Кастанеды. Можно спеть печатными буквами и станцевать прописными. Затянуться народным чжуннаньхаем, сделать синкопу метким иероглифом и послать воздушный поцелуй тайно вздыхающим поклонницам. Никакой рекламы, только любовь all around!

А теперь спойлер: на следующих уровнях планируются конкурсы, литературные дуэли и, для самых стойких из могикан - авторский вечер на настоящей сцене перед настоящим микрофоном в настоящем салуне. Не бойтесь уронить лицо – мы его поднимем, почистим и вставим на место, как было и даже лучше.

Ба! Вы играете на гитаре! Приходите, а мы с удовольствием послушаем! Если вдруг гитары у вас нет, но душа просит музыки, всё равно приходите – Hohner китайского производства у нас имеется.

И, совсем замечательно, если вы пишете пьесы, ставите или играете в них. Снимаете кино. Рисуете, фотографируете, вышиваете крестиком одинокими вечерами или втайне примеряете смешные косплейные костюмы – приходите и проведите мастер-класс!

Художники-дизайнеры-иллюстраторы! Вы нам нужны на добровольной основе. Скетчи, коллажи, комиксы, любая техника на заданные темы.

Специальная программа для полуночников – все вопросы онтологии, гносеологии и экзистенции.

По всем вопросам обращайтесь на соседнюю колонку, на электронную почту к Тони Гау.

Благодарю за внимание,

Искренне ваша

Uni

20 апреля 2013 года в баре **Dream Maker** состоялась первая литературная встреча в городе Гуанчжоу. Можно много, нудно или даже весело описывать происходившее там, можно пытаться передать на словах атмосферу и даже звучавшие шутки. Можно придумать шутливые или серьезные подписи под фотографии. Но, как мы знаем, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому мы решили сурово и немногословно отчитаться о проведенном вечере в формате фоторепортажа. Тем более, слов будет предостаточно на следующих за фотографиями ста с лишним страницах альманаха. Те, кто были на встрече, еще раз ощутят тот воздух и дождливый вечер. Те, кто не был, смогут подключить образное мышление и побывать с нами в своем воображении.

Первая литературная встреча

Первая литературная встреча

Алимов Игорь Александрович

- Китаевед-древник
- Ученый-новатор
- Переводчик
- Издатель
- Писатель

<http://alimov.pvost.org>

Лю Чан-цин

逢雪宿芙蓉山主人

**Застигнутый снегопадом, нашел приют в доме на горе
Фужуншань.**

日暮蒼山遠，天寒白屋貧。

柴門聞犬吠，風雪夜歸人。

Солнце садится, синеют далекие горы.

Под небом морозным белеет лачуга моя.

Пес забрежал у ворот моих сирых -

Кто-то сквозь выюгу ночную вернулся в родные края.

© Игорь Алимов

© Тони Гау

Крисской Альберт Николаевич

/ Папа-Хуху

Является одним из организаторов интернет-сообщества «[Восточное Полушарие](http://www.polusharie.com)» (www.polusharie.com), членом правления Русского клуба в Шанхае, а также иногда публикует свои мысли на сайте <http://www.papahuhu.com>.

Родился в Ростове-на-Дону в 1974 году, там же поступил на геолого-географический факультет Ростовского Университета. После двух лет учебы получил предложение поехать по обмену в Китай для продолжения обучения. Таким образом и оказался в 1993 перед зданием Пекинского ж/д вокзала, без малейшего понятия о стране в которую приехал. За годы учебы освоил китайский, английский и испанские языки. С тех пор успел поработать в российских и испанских компаниях, пока не стал партнером в одной из испанских фирм. В качестве увлечения в свободное от работы время и для постоянного улучшения своей рыночной стоимости (на случай грядущих катаклизмов) выбрал китайский язык, историю и психологию взаимоотношений.

Женат. Имеет сына.

《歸田》元稹

Возвращаясь к полям. Юань Чжэнь.

陶君三十七，	Ведь Тао Юаньмину было тридцать семь
掛綬出都門。	Когда печать повесив, из ворот столичных вышел
我亦今年去，	Я тоже в этот год уеду насовсем
商山漸岸村。	На берег Си, в деревню к горам Шан поближе

冬修方丈室，	С десятков метров справлю комнату зимой
春種桔槔園。	Весною засажу засохший сад и всю округу
千萬人間事，	Ту суету сует, что наводняет мир людской
從茲不復言。	От этих пор и словом поминать не буду

© Папа Хуху

© Тони Гау

《戲題》孟浩然

客醉眠未起，
主人呼解醒。
已言雞黍熟，
復說甕頭清。

© Папа Хуху

Шутка. Мэн Хаожань.

Гость пьян и спит, не встал еще.
Хозяин дома кличет хмель разбавить.
Сказал: с курятиной уже поспела каша.
Добавил: у бочонка крышку распечатал.

Радикальный вариант перевода,
сохраняя ритмику оригинала

《覽鏡書懷》李白

**Глядя в зеркало, пишу о
заветных думах. Ли Бо.**

**Зеркл взгляд дум
стих.**

Ли Бо.

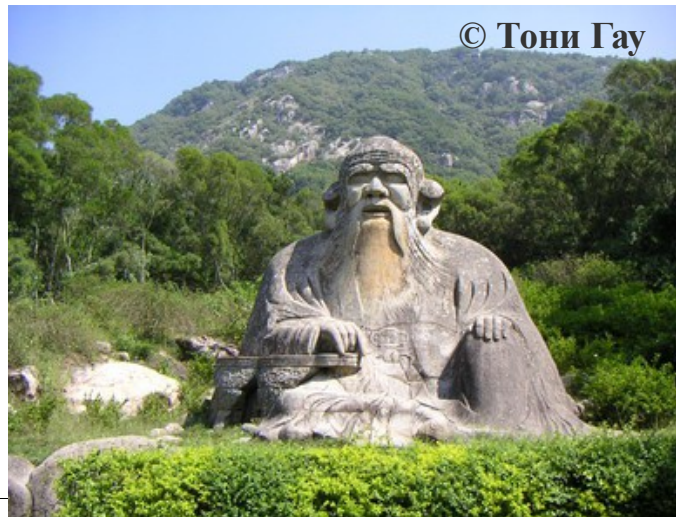
得道無古今，
失道還衰老。
自笑鏡中人，
白髮如霜草。
捫心空嘆息，
問影何枯槁。
桃李竟何言，
終成南山皓。

Дао обрел -
и нет ни вчера, ни сегодня.
Дао утратил -
стареть и слабеть пора.
Смешно самому,
что в зеркале у отражения,
Власы побелели,
под инеем будто трава.
С рукою на сердце,
напрасно вздыхать сожалея.
Тень вопрошаю
почему так иссохла она.
Как персик и слива
разве вступит она в рассуждения?
К концу превращусь я
в Наньшаньского старика.

Есть Путь, нет дней лет.
Путь прочь, вновь стар слаб.
Мне смех, зеркл средь муж.
Влас бел, как снег трав.
Хвать грудь, пуст вздох ох.
Спрос тень, как так сух?
Слив древ, что мог речь?
Я стал, Юг Гор мудр.

© Папа Хуху

© Тони Гау

Марченко Владимир Андреевич

Родился 27 января 1968 г. в городе Никополь Днепропетровской области. С 1985 г. живёт в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Образование: высшее. Первая специализация: чёрная металлургия. Вторая специализация: менеджмент предприятия.

С 1997 г. работает в области международной транспортной логистики.

В Китае с 2007 г. Активист Русского клуба в Шанхае, наблюдатель КССК.

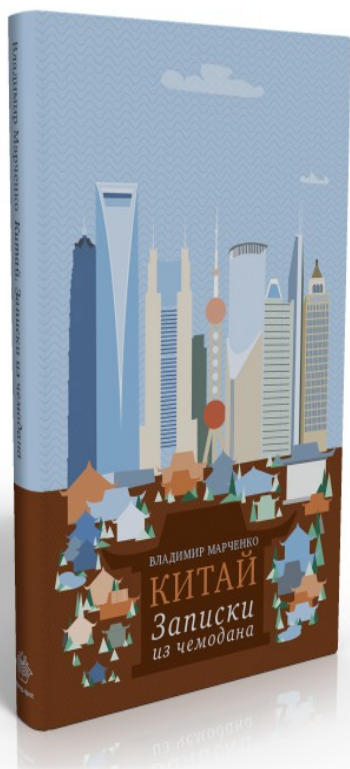
Воспитывает троих сыновей.

Активный участник форума «[Восточное полушарие](#)» (Aqua-Mar).

ЖЖ: <http://aqua-mar.livejournal.com>

Автор цикла рассказов «[Китай. Записки из чемодана](#)» и книги о специфических особенностях ведения бизнеса с китайскими партнёрами “[Как стать сюнди](#)”, на презентации которой в С.Петербурге Владимир был как раз во время проведения литературного кафе в Гуанчжоу. Эксклюзивные выдержки из своих книг Владимир любезно позволил нам озвучить в кафе и включить в данный альманах.

Китай. Записки из чемодана.

Ехал я со своим китайским партнером из Гуанчжоу в Нанкин ночным поездом. Заходим в купе. Там сидит пожилая пара — за шестьдесят явно. Ужинают за столиком. Я шмотки свои на верхнюю полку кинул, присел с краешку, друг мой Альберт напротив уселся, начал с ними лясы точить.

Поезд дернулся, тронулся, поехали мы. Эти бормочут че-то там на своей мове, я прикемарил слегка. На тот момент я уже мог немного улавливать суть разговоров по-китайски, соображаю, что товарищи про меня спрашивают: откуда, мол, такое лаовайское чудо в китайском поезде? Слышу, Альберт произносит кодовое слово «Элос'ы» — Россия значит.

И тут мужик преобразился: «Элосы! Элосы!». Глаза выпучил, заулыбался, засуетился... Потом застыл, значительно

воздвиг горе указательный перст, наклонился, выудил из под стола ноль-пять, водрузил ее на стол и сказал по-русски, без малейшего акцента: «Давай е*нем!» Сказать, что я охренел, мне не позволяет моя патологическая честность. Потому что состояние мое можно передать только значительно более эмоциональным словом, привести которое здесь мне не позволяет моя патологическая интеллигентность.

Пока я хлопал глазами и ртом, он быстро свинтил фунфырику башку, выплеснул на пол остатки чая из стаканчиков своего и жениного и налил по полной. «За Элосы!» Мы чокнулись и выпили. Гаоляновка — штука, в принципе, ничего, когда привыкнешь, но целый стакан, без подготовки...

Мужик одобрительно похлопал меня по плечу (чуть голова не отвалилась) и залопотал быстро, объясняя ситуацию своей жене и Альберту. Как выяснилось, сорок с лишком лет назад он учился в Москве, очень любит с тех пор Россию и русских и даже помнит слова «Ленин» и «брат» («балаты» в его транскрипции). Не считая, конечно, той фразы, с которой началось наше знакомство.

После второй у него снялись какие-то блоки с синапсов, и он вспомнил еще две фразы, которые и использовал дальше, пока не иссякла бутылка, в качестве тостов. Причем произносил он их тоже практически без акцента и с явным удовольствием и даже гордостью.

Это были фразы «**твою мать» и «пошел на **».

© Владимир Марченко

Китай. Как стать сунди.

(фрагменты)

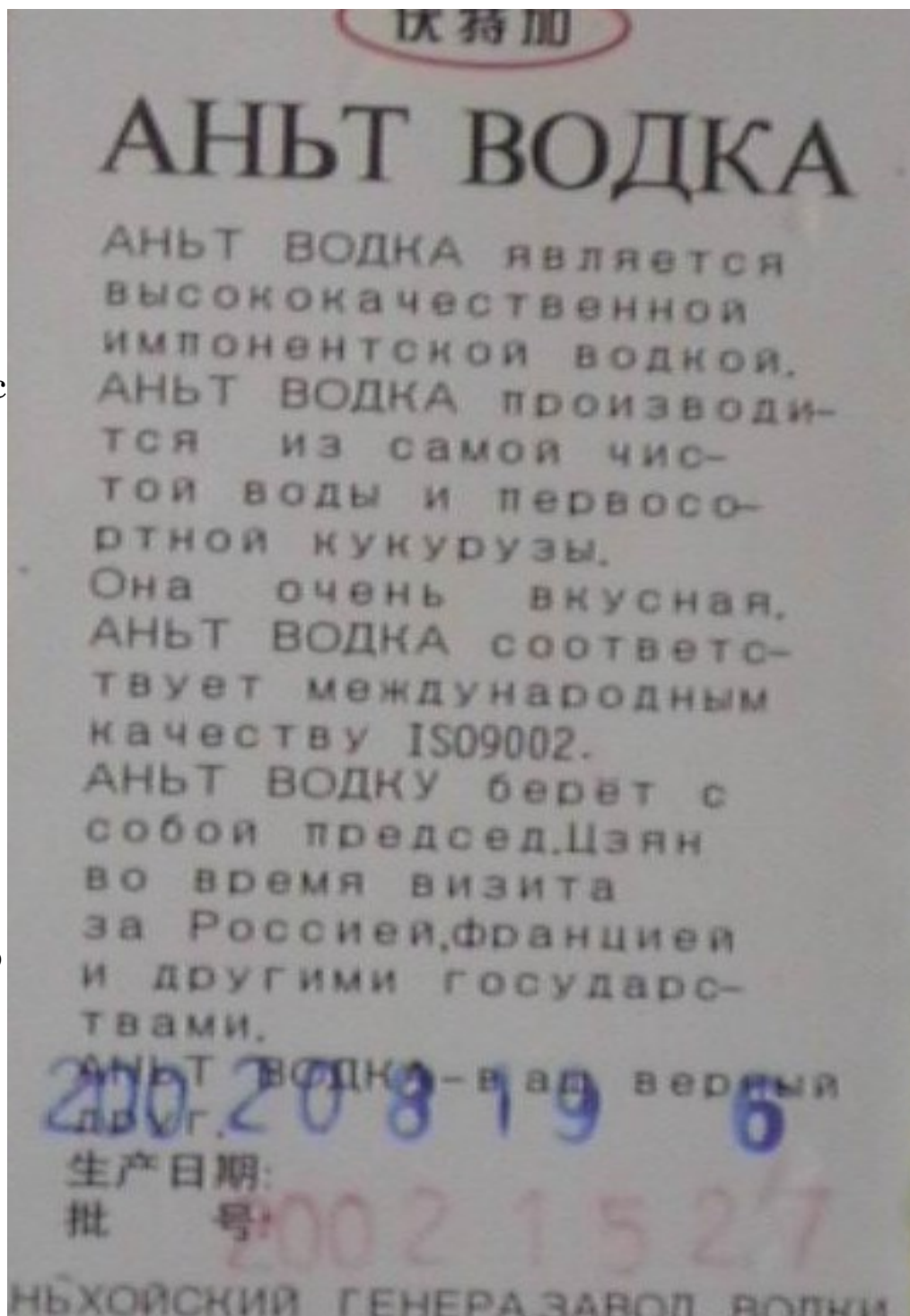
“Сегодня КНР - это не только туристический рай, но и самая динамично развивающаяся страна на планете. Многие российские предприниматели с надеждой глядят на Восток, но грамотно организовать сотрудничество удастся далеко не всем. Откроем главный секрет: бизнес делают не корпорации, бизнес делают люди. И чтобы работать на равных с китайским партнером, надо в первую очередь разглядеть в нем человека, ведь самые важные деловые решения зачастую принимаются не в тиши кабинетов, а за столиком ресторана, в караоке-баре, а то и, страшно сказать, в бане. О том, как стать для бизнесменов Поднебесной настоящим другом - или, по-китайски, сунди, - рассказывает автор этой книги Владимир Марченко, успешный предприниматель, долгое время работающий в Шанхае и известный в сетевых сообществах под ником Aqua Mar.”

Пить или не пить — вот в чем вопрос

Первые несколько дней я действительно полагал, что китайцы не пьют. Мы с партнерами обедали и ужинали, они чинно предлагали чего-нибудь выпить, я не менее чинно отказывался. Блюда политес. Спустя неделю мои китайские друзья решили, что я уже достаточно адаптировался и готов приобщиться к настоящей, аутентичной пище. До этого мы, оказывается, все больше в туристических заведениях питались. И вот пошли мы как-то обедать в маленький ресторанчик хунаньской кухни. Совсем маленький, столов на пять, куда местные ходят. Сели, хозяева мои меню изучают, обсуждают, заказывают — а я украдкой по сторонам смотрю. И вижу — за соседним столиком сидят трое работяг, обедают. А между тарелками у них шесть бутылок пива и поллитрушечка водочки. И они не спеша эдак, с чувством, с расстановкой, все эти напитки в процессе обеда потребляют, беседы ведут. Как раз пока мы с партнерами сидели, работяги выпивку и приговорили. Расплатились, встали, нимало не покачиваясь, и, все так же спокойно переговариваясь, ушли. Я аккуратненько, чтобы своих китайцев, не дай бог, не обидеть, спрашиваю: а вот как это понимать? Вот они же рабочие, сейчас пойдут трудиться пьяные, а ну как напортачат чего? Или, хуже того, несчастный случай устроят? А мне один товарищ говорит: да нет, мол, с чего? Они сейчас поспят полчаса и будут свежие, как огурцы. Тем паче, что они и выпили-то всего ничего. Ну да, пол-литра водки на троих, да еще и по две бутылки пива на брата для пущей полировки, чтобы деньги не на ветер, — что там пить, действительно? И это же я

еще не знал, что китайская водка в основном крепостью пятьдесят два оборота...

Вот тогда-то я и начал понимать, что не такие уж китайцы трезвенники, как о них молва идет. Это и не мудрено, ведь самый древний алкогольный напиток, возрастом около трех тысяч лет, археологи откопали именно в китайской провинции Хэбэй. Заинтересовался я этим противоречием, начал людей знающих выспрашивать. И выяснилось, что китайцы таки да, выпивают. И очень даже неплохо выпивают. Если говорить о Дунбэе, северо-восточной области Китая, так еще, может, и нам фору дадут. По крайней мере, я в Чанчуне, административном центре северной провинции Цзилинь, с одним местным как-то скрестил бокалы не на шутку. Был я тогда в командировке, решил в лобби-баре гостиницы вечером скоротать, рояль послушать, коньячку выпить. А за соседним столиком китаец оказался, по-английски хорошо понимал. Ну, мы и разговорились. За жизнь, как обычно. Тогда се, откуда, чем занимаешься — стандартный треп двух командировочных. Вот только не заметили, как под душевные беседы и

под орешки два литра коньяку закончились. Кстати, до номера дойти он мне помогал, а не я ему, хоть он и весил меньше меня килограммов на пятнадцать.

В гастрономах тоже сразу хорошо видно, сколько китайцы пьют. Рядом с моим домом находится маленький магазинчик, метров двадцать квадратных, не больше. Я в нем подножный корм беру, для разогрева в микроволновке, если лень самому готовить или идти куда-то. Так в этой комнатухе на стеллаже стоит сортов десять водки. И еще сортов десять рисового вина, которое в Китае тоже очень популярно. А в магазине побольше, квадратов на двести, сортов водки уже за сорок наименований. При этом тара, в которую разливают некоторые сорта водки, доходит до пяти литров. И это не наши сувенирные бутылки на подставке, а непрезентабельные пластиковые канистры, для ординарного, повседневного, если можно так выразиться, потребления. Мне кажется, миф о трезвом образе жизни китайцев сложился потому, что их поведение в пьяном виде существенно отличается от нашего. У нас ведь как: принял на грудь — значит, подвиг по расписанию.

И пошла удаль молодецкая через край выплескиваться: березку с корнем из земли выдрать, девок молодых этой березкой по центральному проспекту погонять, по дороге в вытрезвитель милицейский уазик облевать — вот это да, это круто, есть чем перед соплеменниками наутро похвастать! А китайцы — они не такие. Выпили спокойно — и спать. Нет, конечно, в процессе распития тоже демонстрируют себя всячески: орут, хохочут, скатерти окурками прожигают, стаканы с бутылками роняют. Могут и побузить слегка, хотя до мордобоя, как правило, доходит редко, по крайней мере в Южном Китае. Зато потом все спокойно рассаживаются по такси — и домой, отдыхать.

Не знаю, в чем тут дело, почему опьянение китайцев так разительно отличается от нашего. Может, у китайской водки, *байцзю*, хмель другой? Точнее, хмель у нее действительно другой, но неужели настолько?

Вообще китайская водка — штука достаточно специфическая. И если уж решитесь серьезно подружиться со своим китайским партнером, вам предстоит научиться ее пить.

Я помню, как я первый раз попробовал *байцзю*. Я тогда еще на родине работал и в Китае ни разу не бывал. Проводили в нашей компании вечеринку, чей-то день рождения отмечали. Под конец все горячее, что было предварительно для праздника закуплено, закончилось, а в

магазин за добавкой бежать не хотелось. А мой коллега как раз перед этим летал в Китай в командировку и привез нам в качестве сувенира бутылку китайской водки. Большую, литровую. Поставил в офисе: кушайте, сотрудники дорогие, не обляпайтесь. Стояла эта бутылка тихонечко, ждала своего часа и наконец дождалась. Разумеется, в гениальном коллективном мозгу родилась мысль: зачем, спрашивается, куда-то бежать, если вот он, нектар желанный, только руку протяни! Протянули, вскрыли, разлили по полтинничку, выпили... Сразу все поскучнели, вспомнили, что завтра с утра на работу, что и вообще домой давно пора, засобирались... Вот так китайская водка спасла российский трудовой коллектив от морального разложения на почве бытового пьянства. А остатки водки той, по-моему, спустя полгода так в унитаз и вылили, никто не рискнул еще раз попробовать. Даже компьютерщики от нее отказались, хоть им и пытались эту бутылку сбегать для протирания плат.

У другого моего знакомого ощущения от первой встречи с *байцзю* тоже были очень запоминающиеся. Выпил я, говорит, вечером со своим поставщиком местной водки. Поначалу гадостью показалось, но после первой поллитры уже вроде как и все равно. Сколько выпили — точно не помню, но однозначно много. Просыпаюсь утром. Голова на удивление свежая, руки не трясутся. Правда, выхлоп — помесь ацетона с одеколоном. Я, говорит, полдня курить боялся: думал, чиркну зажигалкой и взорвусь, как дирижабль «Гинденбург».

Обратите внимание на интересное свойство *байцзю*, которое отметил мой знакомый и подтверждают практически все иностранцы, живущие в Китае: похмелье с нее действительно мягкое, гораздо легче, чем с традиционной русской водки. Может, поэтому и хмель не такой злой, агрессию не пробуждает?

© Владимир Марченко

**Священник
о.Александр
(Панасенко)**

Я утром встал,
Так тихо на душе.
Дождь ночь хлестал,
А утром солнце
встало.

Искрится талый снег,
Под подошвой прохожих
Хрустит тончайший лёд...
Зимой нет дней похожих.

20.12.2010г.

© Александр Панасенко

© Тони Гау

Обидно, стыдно, не смешно,
До тошноты в душе противно
За состояние его -
Влиянье водки деструктивно!
Все началось опять с того,
Что все решили отдохнуть,
Попить лишь кофею с лимоном
И просто стариной тряхнуть.
На стол накрыли очень быстро:
Хлеб, соль, икру из кабачков,
Сальца и увенчал весь стол осетр!
От вида этого голодный капал пот с
ОЧКОВ.

Они расселись за трапезой плотно:
Друг против друга - весь Донбасс.
Идилия была разбавлена добротой
Хорошим тостом, выпитым за джаз.
Он разогрел пацанские сердца,
Ребята песни Родины запели,
О том, как степь шумит на берегу Донца,
И как весною пахнут ели.
Хозяин выставил на стол
Весь свой запас вина...
Тут пьянство пошло в брод,
Но вдруг глаза покрыла пелена...
Лишь третьим утром в чувства
возвратились

Из «дальних и безоблачных краев»...
В главах как бы слоны носились,
А тело ныло как от
Продолжительных боев.
Обидно, стыдно, не смешно,
До тошноты в душе противно
За состояние его - влияние водки
деструктивно!

23.11.2001г.

© Александр Панасенко

Вернуться в тишину свободы,
В простор бескрайнейших лесов,
В объятия матери природы,
В прекрасный мир без лишних слов.
Вновь ощутить зари дыхание,
И радость белых облаков,
В цветов лесных благоуханье,
И пить парное молоко.

16.10.2010г.

© Александр Панасенко

А новый год представь -
Не за горами...
Печаль в прошлом ты оставь,
А радость вот возьмём мы с нами,
В грядущий новый
И прекрасный новый год.
Он счастье подарить готовый,
Покрыть нас от печали и невзгод...

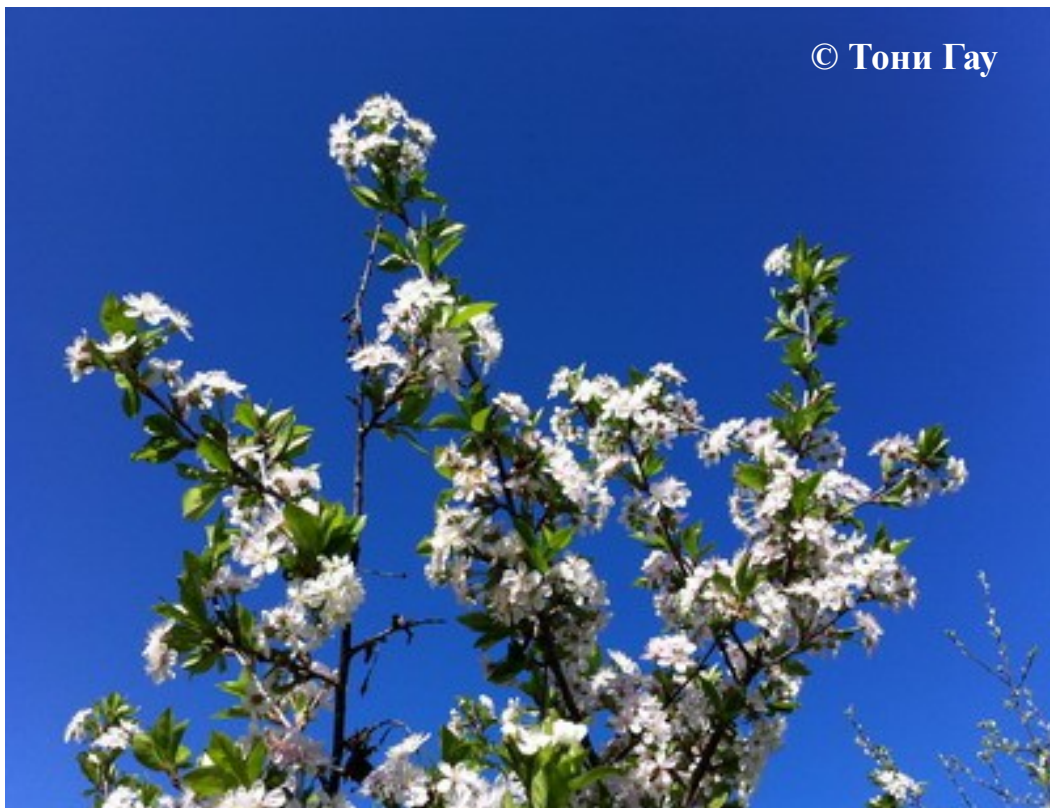
14.12.2010г.

© *Александр Панасенко*

Трава, как бархатный ковер,
Простерлась по пушке леса,
Сосну грызёт старик – бобёр,
Его скрывает вековых стволов завеса.
В верхушке крон поёт кукушка,
В кустах рябины воробьи щебечут,
Здесь облака щекочет хвойная макушка,
Тропинки леса раны все залечат.

14.08.2010г.

© Александр Панасенко

Грант Грантов

Грант Грантов родился 15 января 1969 года в Пятигорске Ставропольского края, в детстве с родителями переехал в Москву. В 1985-м поступил на международное отделение факультета журналистики МГУ, которое закончил в 1992-м с дипломом по специальности "Литературный работник телевидения", 1987-89 служил в ВС СССР в топографических войсках в г. Иваново. В 90-х работал менеджером по продвижению продукции в отделе маркетинга в компании доставки почтовых отправок и корреспонденции Ди-Эйч-Эл, в дальнейшем занимался банковской деятельностью. В 1998 г.

посетил Непал и Тибет, после чего вернулся в Москву, бросил бизнес, стал продавать свои вещи и на вырученные деньги жить в уединении, изучая китайский язык. В 2001 году уехал учиться на факультет китайского языка для иностранцев Сианьского института иностранных языков, путешествовал по стране, женился. В связи с некоторым жизненным опытом стал писать, в настоящее время преподаёт математику на английском языке для экзамена SAT.

Из интересного: имя Тимур для книги "Тимур и его команда" придумал его дед по матери, Игорь Леонидович Орестов, они с Аркадием Гайдаром были женаты на сёстрах. До поездки в Непал был вполне материалистом, далёким от эзотерики, в бурные девяностые годы являлся очевидцем некоторой части криминальной жизни Москвы.

Произведения автора можно найти на его страничке в проекте «[Точка ZРения](#)», на прозе.ру, стихах.ру, [Полушарии](#) и [Магазете](#).

Нет Шанхая и Багдада

На нефритовой подушке
Спят нефритовые мыши,
А когда им с нами скушно,
Целый день шалют на крыше!
А на шелковом кафтане
По ночам кричат драконы,
А когда там феникс в паре,
То общаться мы не склонны.
У Шанхая нет начала,
А к вину нужна триада.
Стонут чайки у причала:
— Нет Шанхая и Багдада!

© Грант Грантов

© Тони Гау

Вася-морячок

В Шанхае встретился с моряком Васей. Гуляет по барам, носит на руках китайнок, ждет когда уйдет обратно в Находку. По-китайски — ни слова, по-английски нормально. Проплавал весь мир, был во многих переделках. Говорит, в каждом порту есть жена.

В Саудовской Аравии, рассказывает он, он потрогал какую-то девушку за щиколотку, сидя на земле на местном рынке в каком-то заброшенном городке очень далеко от моря, просто из озорства. Его схватили и по законам шариата хотели отрубить кисть руки. Вася парень смелый, два года жил в Японии — занимался там боевым карате, говорит, по разбиванию твердых предметов — «тамесивари» — выполнил все нормы, — научили не бояться смерти. Он сказал — я согласен. Но рубите по плечу. Что мне делать потом с этим локтем? А так по плечу отрежете, я рукав заправлю в карман и могу «ходить спокойно». Куда хочу. И левую, сделайте одолжение. Я правша. А боль я потерплю. В боли тоже есть свои прелести. Вообще, это ложный образ.

Шейху перевели, он засмеялся. Да, говорит, не все русские — трусы, молодец. Ко мне в охрану пойдешь? Вася говорит, не, не могу. Я православный. Шейх ему — да ладно, неважно это. Просто не ругай ислам, и довольно. Я ж тебе зарплату буду платить, а не как. Вася говорит — не, слишком жарко. Я вологодский, у вас тут умру. Шейх его напоил, накормил, подарил говяжий окорок и свой кинжал. Кинжал Вася по пьянке потерял где-то в Сан-Франциско в порту. Там еще золото продавали в баночках. Жалко, говорит, работа чеканная, старинная.

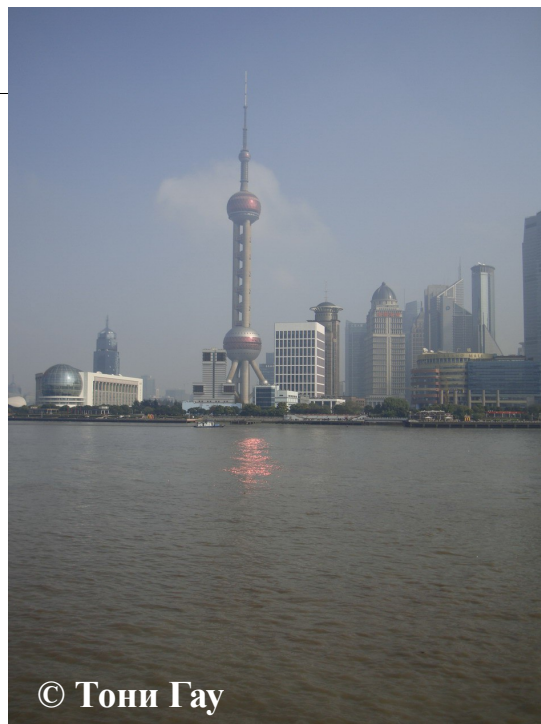
Говорю, кого знал в Москве, спрашиваю:

— Как Китай, бро? Нормалёк?

Отвечает:

— Странные они какие-то, слишком вежливые. Улыбаются, когда надо и не надо, а девчонки — ночь проведешь, влюбляются, хотят замуж и — уехать! Куда угодно, (сплёвывает с шиком), хоть в Москву. (Улыбается) Наверное, это модно...(Пристально смотрит на меня) Но — пугает. Вот во Владике — хорошо. Правда,(кривится) погода...

Я киваю головой: ну а где, если бы, например, стал выбор, хотел бы поселиться? Василий мечтательно потягивается — рост два метра, глаза синие, кудри, как у викинга, широченный, хоть сейчас в Валгаллу, шея и руки в татуировках — В Мексике, говорит. Там народ душевный. И чача — есть. То

© Тони Гау

есть, — текила. А мексиканцы, как напьются, – ну русские прям, «зажигают», как хотят. И (расплывается в улыбке, видны золотые фиксы) *погода*.

А вообще, отмечает, правильно, что в Англии человек, пробывший шесть лет на воде, не имеет права давать свидетельские показания в суде. Мы, моряки, все немножко «того» — одиночество плющит, конкретно. Он делает в воздухе синим запястьем какой-то жест, как будто пишет полный иероглиф.

Но по Кавказу, одиночество — хорошее состояние, жизнь с учителем в горах, говорю, да, брат? По Кавказу, мужчина должен любить одиночество.

Так-то оно так, соглашается он, да только крыша едет.

Я киваю — понял.

© Тони Гау

Выходим на улицу. Вася подзывает стоящего напротив с маленькими на тоненьких спицах шашлычками и, видимо, знакомого, уйгура — молодой парень, очень худой, странного вида, про таких в старину говорили — «не хватает денег и добродетели», заворачиваем за угол. Он из носка достает маленький целлофановый пакетик. Внутри – анаша. Самый что ни на есть первосортный, только что с куста, план. Я охаю.

«Горит косяк, горит другой, а кости пахнут анашой, как покуришь той анаши, так пошёл считать столбы», — тут же вспоминается мне мотив какой-то наркоманской песни. Наркотики, это страшно. После их приёма энергия не может вернуться на свои места в тонком теле человека, блокируется, в

результате чего появляется ломка. Постепенно — шаг за шагом — тонкое тело человека разрушается — нади и бинду, каналы и эссенция. И наступает, часто долгая и мучительная, смерть.

Но Вася об этом не думает, он тут же сует уйгуру в руку десятку неизвестно откуда взявшихся евро, причём, новеньких, только что напечатанных, одним жестом широкой ладонью заталкивает паренька обратно к соотечественникам «под замок» — за ларек с чудесными, возвышающимися над повозками маленькими цветными горами Тяньшань, синьцзянскими сладостями и дымящейся бараниной за ними, парной, и мы возвращаемся обратно в «Bar». На столе стоит початая бутылка «Блэк Лэйбл».

Вася зубами достаёт из бутылки пробку, поднимает над головой — в это время одинокие солнечные лучи преломляются в её содержимом и кажется, что вся эта комната, моряк Василий, я — да и что там, вся моя такая несуразная и бродяжья жизнь в Москве, здесь, в Бельгии, на Кавказе... — на самом деле не реальна, а просто нарисована кем-то радугой, как отражение луны в воде или лопающийся от ветра на холодной воде одинокий пузырь, миф, мираж, и движением могучих пальцев чуть закручивая её по часовой стрелке, делает два больших глотка, передаёт мне. Я делаю один, вытираю губы. Некультурно, конечно — джентельмен не станет пить из горлышка даже в пустой комнате, он встанет и дойдёт до буфета, но тот, кто служил в советской армии, знает — среди своих понтоваться нельзя, предлагают, значит — пей. Ты ж не тайская девушка.

Вася одобрительно хмыкает, достает папиросную бумагу, начинает крутить, давай, говорит, пыхнем по разу, чтоб пробило, косячок, потом — кока-колы, я говорю — нет.

Тут я жёсток, иногда — по отношению к себе, даже жесток — по-китайски это называется «втягивать яд». А у нас и так пять ядов прут из всех пор. Жадность, гнев, неведение, зависть, надменность. И так, считай, все в сансаре с рожденья нагероинились. Кока-колу, говорю, можно. Чё ж не отпиться ей, кокачкой. А травку — ни-ни. Ты меня правильно пойми, старик. Куда уж мне понижать, так сказать, осознание действительности, у меня и так этот уровень на нуле, живу-туплю. А вдохну этот дымок, буду вообще под киргиза молотить. А это, Вася говорит, смеётся, — шестой. яд, бро. Сильнее тех пяти. Ладно, говорит, понял, а я — дуну. Жаль, кальяна нема.

По китайской легенде, наркотики и табак произошли так — когда-то один горный отшельник связал девять постоянно мешающих людям жить и заниматься духовным совершенствованием демонических братьев подчиняющим их силы обетом, но они нарушили свои клятвы, а самый младший из них сказал, братья, не отчаивайтесь, я проявлю себя в стране Китая как растение табак, имя ему будет черный яд. В образе этого растения я стану жить у приграничных земель, откуда потом проникну и в Тибет, даже люди

Тибета станут употреблять это вещество. Силой этого пять человеческих ядов будут увеличиваться, отвергая благие деяния, вдыхая меня, люди будут практиковать неблагое. Когда-то, курение этого яда распространится по всей земле и уничтожит сотни городов. Перестанет идти дождь, созревать урожай, будут эпидемии, бедствия и войны. Яд от меня, поднимающийся в небо, потом разрушит пространство, и кометы и затмения будут появляться — не вовремя. Ткани и сосуды организма того, кто меня покурит, будут обезвожены, и это будет причиной появления десяти тысяч болезней. А в конце концов, кто курит, — переродится в низших мирах, а если кто-то курит, а другие вдыхают мой запах, это равносильно тому что он разрывает сердца шести тысяч существ." Это о табаке. С марихуаной-то, видно, посерьёзней будет?..

Смотрю на часы — пора. Прощаемся, он обнимает меня, при этом чуть не поломав. Заходи, я тут потихоньку с корабля таскаю всякую всячину, что могу открутить — судя по Васиным пальцам-тискам, открутить он может много — сдаю за копеечку, потом «зависаю», а питаюсь вместе с моторикшами в рабочей столовой, говорит он. За два доллара, ара, второе и суп. Закончишь свои уроки Дхармы — залетай на огонёк. Вообще, добавляет он, что это мы сейчас стали делить, кто кавказец, а кто нет, раньше никогда не подчеркивали. У него самого в ВМФ лучший друг вообще был чеченец, убили в Москве, приехал туда на 1-е Мая с ним повидаться, они поехали в гости к еще одному матросу, а пока были у него дома, внизу какие-то пацаны дернули из машины — магнитола. Ну они и поехали по дворам, искать. Нашли, отобрали, в следующий раз, говорят, руки обломаем, братва. А те к своей крыше пошли, серьёзной.

...и вот, говорит Василий, выезжаем на шоссе, а нас, как в кино, подрезает машина, а вторая сзади. И народу человек сто. Банда. Нас в машине — четыре моряка. Мы трое — вышли. Они все с цепями и заточками. Друг мой тот, кореш, из Чечни, занимался спортивным тхэквондо, встал, как в зале, лабух. Так ему между рук и сунули, нож. Скорая ехала сорок минут до Гольяново, он кровью изошёл. Говорю, а ты? А я у них все заточки поотбирал и повтыкал им обратно, куда кому, третий наш тоже не промах, прапором был в внутренних войсках, такую дал обратку, та шпана до сих пор, делает рукой у горла отрубаящий голову жест, визжала, а потом, когда были в СИЗО, еще и часто их с друзьями — навещал. Я поморщился. Представил, что Вася с другом-прапорщиком в следственном изоляторе с этими криминальными страдальцами делал. Мне, правда, говорит Вася, тоже легкое покоцали, поднимает рубашку, показывает шрам, но в Склифе развернули быстро, задышал, скопилась только вода, а через неделю был уже в Одессе, на корабле. Следовательно вообще ничего не сказал, конечно. А четвертый, ты знаешь, из машины вообще не вышел, да. Мы потом забыли, как его зовут, падлу. А жена того моего друга убитого, кстати, русская, знаешь, что сказала? Когда ей сообщили о смерти мужа? Спросила, там, в багажнике, мешок картошки был, картошка цела?

Как школярить закончишь, вздыхает Вася, я в Шанхае детям английский

преподавал, работал там у них розовым слонем, 100 юаней за 40 минут, дети — хорошие, малыши — залетай! Если я не здесь, то в зале, напротив. Китайцев я всех там уже поронял, один был такой трудный, прямо не мог его никак ухватить, но потом разобрался, закрыл голову локтем — наверное, тем самым, что был ему не нужен где-то там в Эмиратах? — а пах ладонью, и попёр прямо на него. А в грудь мне кувалдой били, и ничего. Вот, дошел и — поймал. Добавляет:

— Так, *наказал* немного.

Говорят, сегодня должен прийти какой-то бывший морпех, «американец», давно здесь живет, стучается, посмотрим, говорит Василий. Я говорю, будь осторожен, они, знаешь, в спарринге начинают по-другому думать. Ничего, смеется Василий, это же не Ростов-на-Дону! И зубы у меня все вставные, немецкая металлокерамика, это знаешь, как надо бить, чтоб ее выбить. Он не «бить», он другое слово сказал. Приходи, а то не знаю еще, когда домой попаду. В нашем пароходстве вообще одни козлы. Всё под себя, всё под себя.

Прощаемся еще раз, целуемся по-пацански. С Бунда начинает дуть сильный ветер — скоро хлынет. А все-таки Шанхай — город хлебный, думаю я. Каждый тут может чем-то заняться, кто как. ...Скоро дождь, а потом снова солнце, и весь город будет большой сауной. Надо скорее в метро! Там можно съесть большое

мороженое, эскимо «Магнум» и попить из бутылочки черный улунский чайный напиток японской фирмы «Кирин» – есть такой сказочный единорог – цилинь в китайском произношении, хочешь, с сахаром, хочешь, без, в других местах Китая этого чая почти и нету. В Сиане — точно. Прохлаждает, как, наверное, сказал бы Вася, капитально.

Поворачиваюсь, иду в метро. Мне сначала надо на Сюйцзяхуэй, такой район в центре города, забрать жену, потом в «Пиццу». Посидеть, покушать, подумать. В вагоне народа не много, сажусь, прикрыл глаза, рядом какой-то старик, читает книгу. Боковым зрением абрека, оно у меня отработано, кошусь через плечо, вижу —

«Например, живописец, смешивает различного рода краски, из иллюзии создаёт различного рода образы. Большое же — нераздельно, и в нем нет цвета. В цвете же — нет большого. Но цвет с ним не разделен, с тем, из чего можно вынуть цвет. В сознании — нет цветов и картин, в цветах и картинах — нет сознания. Таким образом, все это не покидает сознания — можно добыть любые цвета и картины. Это сознание никогда не фиксировано, неизмеримо и невозможно для постижения — оно образует все цвета. Невозможно все знать. Например, живописец не может знать свое сердце, но сердце имеет, и потому — рисует. И так всё. Сознание — как живописец, может нарисовать мир. Все составляющее рождается из этого, нет ничего, что бы оно не создавало. Небо так же, как сердце. Как Небо, так всё живое. Надо знать, что Небо и сознание, сущность их, — неисчерпаема. И если человек знает ход сердца, то он полностью создает весь мир. Такой человек тогда видит Небо, понимает его истинную сущность. Сознание не живет в теле. Тело тоже не живет в сознании. Но может совершать все небесные дела, обретая тем самым — невысказанную свободу. А если человек хочет постигнуть всех небеса трёх миров, то надо наблюдать их сущность то есть именно то, что все — создано только сознанием.»...так и запомнился мне этот — бог знает где! — полутемный бар на пустой улице почти без тротуара, грузовые краны над ним ржавыми птицами, стоящие с лотками сладостей, сухофруктов и шашлыков в стеклянных коробочках на трехколесных велосипедах худые сутулые и- кто знает? — мечтающие о невозможном отделении от Китая уйгуры в тюбетейках, и — огромный, сидящий на табуретке у двери заброшенного шанхайского пивняка в майке-тельняшке русский моряк Вася с поддельным «Ролексом» на поросшей рыжей щетиной огромной руке и наколотыми повсюду русалками и — якорями.

Уж не знаю, жив ли и где он теперь. Очень надеюсь, что — жив.

Леонтина

Сама с России, меня там родили, отучили.

Сбежав от мужа, поняла - здесь в Китае буду жить я.

С тех пор прошел не один год, а целых семь.

Жила все это время на Санья, теперь живу в Гуанчжоу я.

Стоит девушка...
Стоит девушка у окна,
Куда-то вдаль
Она смотрит.
Печальны её глаза,
К ней весна
Всё не приходит.
Когда-то
Давным-давно
Потеряна
Любовь её была.
Вы скажете:
«Ну и что?»
Она свою любовь
Через время пронесла.
Ей хочется забыть
Всё то, что
Раньше было
И по-новой полюбить,
Но...
Не тут-то было.
Её любовь
Так сильна,
Что никто
Не смог ей
Его заменить,
И она не могла
Его забыть.
Ведь он единственный такой,
Другого ей
Не надо.
Стоит девушка
У открытого окна,
Куда-то вдаль
Смотря.
Вдруг
Заблестели её глаза,
Она
К любимому
Уходит...

Моей Маме

Как хорошо, что есть на
Свете Мама!
Нет нежней, мудрей её.
Как хорошо, что Мама
Рядом,
С любовью и заботою своей.
Когда так тяжело на душе,
К кому придёшь?
Конечно к Маме!
Ведь ничего на свете нет,
Чем дорогая Мама –
Она рассудит, всё поймёт,
Ошибки все твои исправит.
Простит за ложь.
Простит
И всё подскажет.
Как хорошо, что есть
На свете Мамы!
И нужно нам их беречь.

© Леонтина

Остановилось время,
Не идут часы.
Всё вокруг замерло,
И не дышишь ты.
За твою жизнь
Борются врачи,
А смерть стоит и ждёт.
Идёт минутная борьба,
И слышишь голос ты:
«Борись!

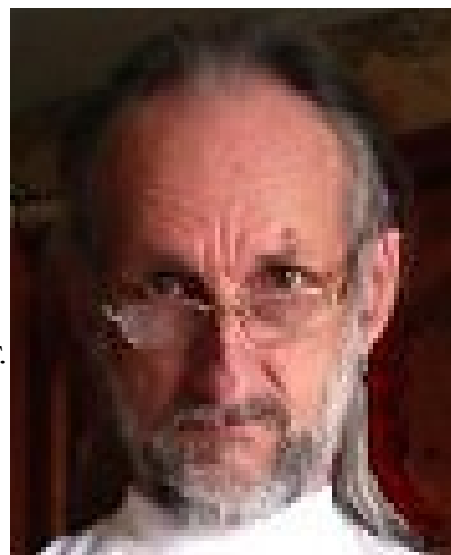
Живи!

Дыши!

Ведь у тебя всё впереди!
Живи!»
Тока толчок,
Капля пота врача,
Упав на тело
Бездыханное твоё,
Вдруг оживила тебя.
И сердце пошло.
Ты дышишь,
Но смерть, как коршун
Стоит и ждёт
Как идёт борьба.
И ты побеждаешь в ней,
Ты живёшь,
Ты дышишь,
Ты силен!
Живи, он всегда с тобой!

Матвеев Игорь Александрович

Белорусский журналист, переводчик, автор-исполнитель собственных песен. Работал переводчиком в Индии, Иране, Ираке, Китае, Пакистане, Судане, Греции, Турции, Мьянме. Публиковался в белорусской и центральной печати. Роман "Прощай, Багдад..." был опубликован в белорусской газете "Наш край" в 2004 г., повесть "Помоги мне" - в белорусской газете "Шаг" в 2005 г. В декабре 2007 г. одно из ведущих белорусских издательств "Книжный дом" выпустило роман "Прощай, Багдад..." и повесть "Помоги мне" отдельной книгой. В январе 2011 г. появился новый сборник Матвеева "Пепел сгоревшей любви", куда вошёл заглавный роман (ранее известный как "Прощай, Багдад-2"), а также роман "Ты только живи" ("Прогулки по Самотраки") и повесть "Любийца". Работы Игоря Александровича можно найти на сайтах [Неизвестный гений](#), [proza.ru](#) и в журнале «[Самиздат](#)».

В 2002-2003 г. работал на строительстве атомной станции в г. Ляньюнгане, Китай. Роман «Проект Ляньюнган», отрывок из которого предоставляется вашему вниманию, явился результатом пребывания автора в КНР.

Проект «Ляньюнган»

роман, отрывки

<...>

Пожилой, побитый жизнью китаец с желтым пергаментным лицом, сидел под стеной торгового центра. Уходящая ввысь бетонная громадина со сверкающей на солнце латунной надписью Lianyungang Shopping Centre еще более подчеркивала ничтожность этого человека-муравья. Перед ним прямо на пыльном асфальте были выложены разлохмаченные книги, журналы, выцветшие брошюры. Покупателей на эту макулатуру не находилось, но все равно старик приходил каждый день, раскладывал «товар» и терпеливо отсиживал свои часы. К вечеру собирал все, клал в большую картонную коробку из-под корейского «самсунга» и увозил на тележке в неизвестном направлении.

© Тони Гау

Я привык считать его частью городского пейзажа и, бросая беглый взгляд, миновал не задерживаясь. Пока однажды он сам не попытался привлечь мое внимание возгласом:

- Эй, миста!

- *Ни хао*, - машинально пробормотал я, притормаживая. – Что надо?

Старик что-то залопотал по-китайски, но я не мог уловить ни одного знакомого слова.

- Ты извини, но я по-мандарински ни в зуб ногой. Короче, ноу мандарин. Понял? Инглиш!

Он понимающе закивал, показал несколько оставшихся желтых зубов и полез в свою коробку. Порывшись, он достал оттуда что-то вроде мочалки и протянул мне. Я с некоторой брезливостью взял этот предмет. При более внимательном рассмотрении «мочалка» оказалась очень растрепанной книгой с когда-то яркой, а теперь совершенно затертой до грязно-серого цвета обложкой, на которой с трудом можно было различить какую-то фигуру с пистолетом и женский силуэт. От фамилии автора осталось только «...ares», а заглавие не читалось вовсе.

- Инглис, миста, - с готовностью проговорил китаец.

Я с трудом отодрал – именно отодрал, потому что вся книга склеилась в комок – обложку от первого, титульного, листа. «*The Death That Never Came*». Ron Fabares. New York. 1950.

Рон Фабарес – такого имени я не слышал. Ну что ж, тем интересней будет почитать. Разумеется, если страницы не приклеились одна к одной намертво. Наша институтская «англичанка» всегда говорила нам, что для изучения языка и пополнения разговорной лексики нет ничего лучше, чем так называемая бульварная литература, и в студенческие годы я пристрастился к чтению детективных англо-американских покетбуков, которые раз в месяц покупал в Минске в «Букинисте» на Ленинском проспекте.

Литературы на английском в китайских книжных магазинах почти не было - разве что учебники и пособия, обещавшие их обладателям скоростное овладение языком на уровне Пола Маккартни – так что все говорило за то, что книгу стоит купить.

- Ну и сколько ты за нее хочешь? *Хау мач?*

Он показал две растопыренных пятерни.

- Десять юаней? Побойся Бога, старик! Это же больше доллара!

Тот упрямо качнул головой, отстаивая свою цену, но я не собирался платить больше пятерки за макулатуру в прямом смысле этого слова и сделал вид, что ухожу.

Он с неожиданным проворством ухватил меня за рукав и почти насильно сунул книгу в мою руку. При этом количество показываемых пальцев уменьшилось на три.

- Черт с тобой, на, - я протянул ему пятерку и две монеты по юаню.

Старик кивнул и пробормотал какие-то слова благодарности, а я пошел прочь, не подозревая, что эта покупка очень скоро круто изменит неспешный и размеренный ход моей жизни.

<...>

Когда мы с Вилли зашли к нам, Капралов уже встал. Телевизор орал на всю квартиру голосом ведущего программы НТВ «Растительная жизнь», а Володя в плавках делал на балконе зарядку. Я знал, что мой сосед никогда не перебирал своей нормы, которая не превышала полулитра вина средней крепкости или 250 грамм водки, и в то утро он был бодр и пружинист, как в любой рабочий день.

- Привет, - Зиберт пожал ему руку. – Мы за тобой, Володя. Ты не занят сегодня?

Основным языком у Капралова был китайский, но и за английский я бы поставил ему крепкую четверку, так что с Вилли они объяснялись вполне удовлетворительно.

Тот пожал плечами.

- Да вроде нет.

- Подойдешь с нами в одно место?

Я коротко объяснил ему суть дела, и Капралов обещал помочь. Если мы подождем, пока он выпьет чашку крепкого чая.

Пока он пил чай с полувывсохшими эклерами, унесенными со дня рождения, я показал Вилли книгу. Он повертел ее в руках, перелистал и вернул мне без комментариев. Но по глазам я видел, что он о чем-то напряженно думает.

Через десять минут Капралов в дурацких шортах, из которых торчали его худые тонкие, как жерди, волосатые ноги, и в цветастой рубашке, объявил, что он готов.

У ворот поселка как всегда дежурило пять – семь вишневых такси, да пара мотоциклистов, готовых за один юань домчать вас на заднем сидении до любой точки Ляньюнгана. Но до торгового центра можно было без труда добраться пешком минут за пятнадцать.

Однако задавать вопросы оказалось некому: впервые за много недель старика не оказалось на привычном месте. У стены торгового центра стояла тележка, с которой толстая китайка торговала виноградом.

Вилли переводил разочарованный взгляд с меня на Капралова, и, очевидно, не знал, что делать. Как, впрочем, и я. К такому обороту мы не были готовы. Я ни к селу, ни к городу подумал: старик был свидетелем, и его пришлось убрать. Только это была явная глупость. Если он что и знал, то за давностью лет это никого уже не интересовало. Кроме нас с Вилли.

Капралов подошел к торговке и спросил ее о чем-то. Женщина коротко ответила.

- Заболел, - произнес Володя. – Заболел ваш старик.

Минуту или две мы переминались, не представляя, что предпринять дальше, потом Вилли решительно сказал:

- Спроси, не знает ли она, где он живет.

Капралов вновь заговорил с китайкой. Та что-то подробно и долго объясняла, махая рукой в сторону бедных кварталов, потом позвала крутившуюся неподалеку румяную девчонку лет двенадцати, очевидно дочь.

Девочка кивнула и смерила нас любопытным взглядом.

- Она проводит, - пояснил Володя.

Мы долго петляли в грязных узких улочках, полных чумазных детей, тощих кошек и тошнотворных запахов, потом, нырнув под бельевую веревку с навешанными на ней серыми подштанниками, оказались перед дверью убогого жилища, выполненного из когда-то вишневого, а теперь почти черного от копоти кирпича. Маленькое окно было завешено грязной розовой занавеской.

По середине стекла диагональю, как молния, пролегла трещина. Сбоку у стены стояла знакомая мне тележка с картонным ящиком.

Из соседнего дома выглянула маленькая болезненного вида женщина, и запахивая полы рваного халата, стала наблюдать за нами, не скрывая любопытства. Где-то заплакал ребенок.

Наша провожатая постучала, подождала и, не получив ответа, толкнула дверь.

Через полминуты изнутри донеслись голоса. Девчонка что-то крикнула – надо полагать, нам.

- Проходите, - сказал Капралов.

Мы оказались в малюсенькой комнате, служившей, судя по стоящему тут же керогазу, одновременно и кухней. На полусгнившем полу у стены лежали какие-то тряпки, стояли две миски, бачок с водой и алюминиевая кружка. У противоположной стены на деревянной койке с очень низкими кривыми ножками лежал старик. За те дни, что я не видел его, знакомое лицо, кажется, усохло до размеров кулака взрослого человека, а щеки ввалились так, словно ему недоставало не только зубов, но и десен. Одна рука его лежала на груди, другая бессильно свисала к полу. В комнате стоял тяжелый спертый воздух давно не проветриваемого помещения.

Старик с трудом повернул голову, и очевидно узнал меня, потому что едва заметно кивнул и попытался растянуть губы в каком-то подобии улыбки. Девчонка что-то проговорила и направилась к выходу. Зиберт остановил ее, достал из кармана две монеты по юаню и протянул ей.

- *Си-си*, - поблагодарила девочка, ловко, как ученая обезьянка, подхватила деньги с его ладони и скрылась за дверью.

- И что дальше? – поинтересовался Капралов, с отвращением раздувая ноздри. – Ребята, я здесь долго не выдержу.

- Потерпи, это может быть очень важно. Спроси, откуда у него книга, которую он мне продал.

Володя перевел.

Старик, упершись локтями в края койки, попытался сесть. Я осторожно поддержал его под костлявые плечи, а Вилли подсунул под спину замасленную, как блин, подушку.

Потом китаец заговорил.

Капралов, подавшись к нему, напряженно вслушивался, а Зиберт не сводил с него глаз.

- Ну...?

- Эта книга была у иностранца, которого его отец нашел в шлюпке на берегу моря, - перевел Володя, добавив от себя: - Мужики, вы что, ищете пиратский клад? «Одиссея капитана Блада»?

- Когда? Когда нашел? – выкрикнули мы с Вилли одновременно, не обращая внимания на его язвительный тон.

Капралов перевел вопрос. Старик долго молчал, сосредоточенно шевеля губами и, очевидно, проделывая какие-то сложные вычисления. Потом произнес что-то.

- Когда?

– В тысяча девятьсот пятьдесят втором году. В сентябре.

<...>

1952 год. Восточнокитайское побережье

Коричневое расплывающееся пятно приобрело черты человеческого лица. Узкие щелочки глаз, широкие скулы, смуглая кожа... Накагава? Откуда он взялся? Он же остался на шхуне? Или я тоже там? Но как тогда...

Несколько слов на каком-то птичьим чирикающем языке. Но Накагава говорил по-английски. Нет, это не он. И кто эта женщина рядом? На шхуне не было ни одной женщины.

Джон пошевелился. Когда картинка полностью пришла в фокус, он понял, что это не Накагава. Но кто? Он скосил глаза. Обстановка ничем не напоминала кубрик на шхуне. Низкий закопченный потолок, маленькое окошко, сквозь которое пробивается неяркий осенний свет, запах каких-то специй или трав. Качки, той самой отвратительной монотонной изматывающей качки, которая заставляла содержимое желудка подниматься к самому горлу, нет. Где же он?

Они же выбросили меня за борт, вдруг вспомнил Джон. Как паршивую собаку.

...Он пытался развернуть шлюпку носом к волнам, но весла не слушались его ослабевших рук. «Фуока мару» уходила все дальше и дальше, Джону показалась, что он различил на корме пляшущей шхуны силуэт человека. Капитан? Накагава? Какая разница, все они сволочи.. *«Что вы сделали в Хиросиме и Нагасаки!»* А что вы сделали в Пирл-Харборе?!

Темная полоска берега приближалась. Если ветер не усилится, у него есть шанс. Шанс умереть не в море, а на берегу.

Последнее, что он запомнил, была огромная, высотой с пятиэтажный дом волна, накрывшая лодку...

Значит, его выбросило на китайский берег. Это китаец. Женщина – его жена.

Широкоскулый опять что-то произнес. Женщина тихо ответила...

Почему все так горит внутри, словно он залил в себя поллитра неразбавленного виски? Да нет, виски действует совсем по-другому, оно греет, не обжигает, а сейчас его пожирает прямо-таки дьявольский огонь, который скоро оставит от его внутренностей лишь кучку пепла.

- Пить..., - прошептал он по-английски.

Они не поймут. Откуда они могут здесь знать английский язык?

Они поняли.

Китаец приподнял ему голову, а женщина поднесла к губам глиняную чашку. Холодная чистая вода... Господи, какое блаженство!

Тонкая струйка потекла ему на грудь, и это тоже было приятно.

- *Сенк-ю...*

Как будет «спасибо» по-китайски он не знал. Да уж если на то пошло, то и по-корейски тоже. Он не то, что не говорил - даже никогда не видел их с

огромной высоты, этих копошащихся внизу муравьев, на которых сыпал бомбы.

Что будет, если этот китаец доложит властям? Что сделают с ним коммунисты? Нам всегда говорили, что после России самый главный враг Америки - красный Китай. Значит, главный враг Китая – Америка.

Нет, никто никогда не сможет доказать, что он американский военный летчик – документы он уничтожил. Осталась только книга с вложенной в нее фотографией Люси и недописанным ей письмом. Если только книга не утонула, когда лодку накрыло волной...

- Где кни-га? Мо-я кни-га? Фо-то? – по слогам произнес он, очень желая, чтобы его поняли.

На этот раз они не поняли.

Китаянка, переступая мелкими торопливыми шажками ушла в соседнюю комнату или кухню. Оттуда послышались голоса – ее и еще чей-то, молодой и сильный, наверное, сына. Через минуту женщина вернулась с алюминиевой миской. В ней был серый вареный рис, утыканный кусочками мяса, и палочки.

Муж притащил за ней грубую табуретку, поставил ее возле койки. Она села, и ловко подцепив палочками миниатюрную порцию риса вместе с кусочком мяса, поднесла ко рту Джона.

Сколько он провел без пищи – день, два, три? Он не знал, но есть ему все равно не хотелось. Все же Джон губами снял рис с концов палочек - несколько зерен упало ему на грудь - вяло пожевал и попробовал проглотить. Комок пищи застрял в горле.

Женщина что-то сказала, и муж опять протянул ему кружку с водой. Джон с благодарностью сделал несколько глотков. Нет, если бы они хотели сдать его властям, они бы так не заботились.

Он съел еще несколько порций риса, закрыл глаза и задремал.

<...>

Это уже было *кое-что*.

Чжу Янфэн [начальник службы безопасности Тяньбиньской АЭС] снова пробежал глазами служебную записку, составленную компьютерной службой. На прошлой недели Вилли Зиберт очень долго находился в Интернете, собирая и копируя географические карты провинции Цзянсу, Ляньюнгана и побережья Желтого моря. Список открытых им сайтов прилагался. Что он искал? Зачем? Немец никогда не интересовался местными достопримечательностями, не ездил на экскурсии. Что же могло заинтересовать его?

Ну, лазил бы себе по порносайтам – голова бы не болела, с раздражением подумал Чжу Янфэн. Это своих мы гоняем, а иностранцев даже не трогаем, тем более, что многие здесь без семей. Так нет, гадай теперь, что это все может

значить...

Ладно. Дальше события развивались еще более интересным образом. В прошлую субботу Зиберт и его знакомый, инженер Дмитрий Белозеров, захватив с собой удочки, вышли из поселка и двинулись на выход из города. На развилке повернули к скалам. В этом не было ничего необычного: по противоположную сторону скал находился удобный спуск к морскому берегу, и многие по выходным часто ходили туда рыбачить - место было хорошо известно работающим на станции русским. Необычное началось потом: Зиберт и Белозеров на побережье так и не появились. Из опроса местных женщин, собиравших после отлива ракушки на прибрежных камнях, стало ясно, что двое европейцев с такими приметам, на берег в то утро не выходили.

Получалось, что они провели какое-то время – сколько, установить точно не удалось – в лесу. Что они там делали? Собирали грибы, ловили бабочек, слушали пенье птиц? Допустим, что так и было. Допустим, что они любители природы, хотя прежде вроде бы не обнаруживали таких склонностей. Но тогда зачем им были нужны удочки?

Ответ напрашивался сам собой: для отвода глаз, ибо цель их «прогулки» была совсем другой. Похоже, этих двоих интересовало расположение воинской части на побережье. Но на данном этапе доказать ничего было невозможно. Интернет и его материалы доступны любому пользователю в любой точке мира, даже где-нибудь в Зимбабве. А окрестности воинской части не являются запретной зоной. Что касается так и не использованных удочек, то Зиберт со своим напарником всегда могут заявить, что они передумали ловить рыбу и решили просто полюбоваться природой.

Что делать? Установить за немцем постоянное наблюдение, или подождать развития событий? Партия никогда не сбрасывала со счетов вопросы бдительности – даже если многие бывшие враги или соперники и помогают теперь строить новый Китай, то это не значит, что они стали его друзьями. Для того-то он, Чжу Янфэн, и поставлен руководить службой безопасности ТАЭС. Но и ошибиться нельзя, потому что ошибка в отношении иностранца может обернуться международным конфликтом. Пожалуй, стоит посоветоваться с Паном: как-никак он бывший сотрудник контрразведки.

Китаец нажал кнопку вызова секретарши.

- Слушаю, товарищ Чжу.

- Вызовите мне товарища Пана Ши.

- Хорошо, товарищ Чжу. Но он может быть в Управлении. Тогда придется подождать.

Чжу Янфэн кивнул.

Девушка закрыла дверь.

Он взял чистый лист бумаги, ручку и начал писать.

<...>

- Ты не ребенок, Вилли, и должен понимать, что никогда, слышишь - *никогда*! – ты не сможешь попасть на территорию воинской части, - сказал я ему. – И уж тем более не сможешь бродить по ней, как тебе заблагорассудится, и искать деревья с переплетенными стволами или валуны, напоминающие сердце. Честно скажу, я и сам загорелся этой идеей поначалу, но теперь понял, что ничего не выйдет. Китайские воинские части – это тебе не российские, откуда можно днем танк вывести и продать в Чечню. Ты видел часовых? Поверь, там их не двое, а десяток, как минимум. Они сначала тебя пристрелят, а потом фамилию спросят! Если вообще спросят. Скажи спасибо, что когда мы бродили возле той проволоки, нам не встретился никто из местных. А то сообщили бы *куда надо*: так мол и так, двое подозрительных европейцев болтаются у военного объекта! Но учти, на второй раз везение может кончиться...

Зиберт сидел, понутив голову, и молчал.

- Даже если предположить, что мы бы сделали официальный запрос, знаешь, там, по линии МИДа или еще чего, - продолжал я, - то на всякие

согласования и одобрения ушли бы месяцы, если не годы! За это время мы успеем уехать из Китая.

- Я буду искать, - упрямо проговорил он. – Это мой отец. Да, его не вернуть, но есть шанс найти его могилу! И если ты не хочешь...

<...>

В тот же вечер он пришел ко мне домой.

- Не стал звонить по телефону, наверняка они его прослушивают, - тихо сказал он. – В общем так: завтра я уезжаю в Пекин, а послезавтра вечером у меня самолет на Гамбург. Значит сегодня ночью я иду *туда*.

Я не стал переспрашивать куда. И не стал отговаривать его, потому что понимал: это бесполезно. Вилли находился в каком-то лихорадочном состоянии, когда чужие слова хоть и слышатся, но не воспринимаются, и когда возбужденный ум, поставивший себе задачу, постарается выполнить ее до конца, чего бы это ни стоило. Как Терминатор, почему-то подумал я, запрограммированный достичь цели любой ценой, даже обрекая себя на гибель.

- Ты не сможешь покинуть дом незаметно из-за охранников, - проговорил я. – Это раз. Ты не сможешь выйти за территорию поселка, не привлекая внимания дежурных на проходной. Это два. И, разумеется, ты не сможешь проникнуть на территорию части. Это три.

Нет, я не пытался заставить его отказаться от своих планов, я лишь последний раз взывал к его разуму. Охранники, о которых я говорил, берегли покой иностранных специалистов в ночное время. Они дежурили по одному на дом; часов после двенадцати каждый обычно устраивался у подъезда на раскладном стульчике, и слушал транзистор, курил или пил чай из термоса, иногда вставая и прохаживаясь взад-вперед, чтобы размяться.

К моему удивлению, ответ у моего друга был готов.

- Я могу покинуть дом незаметно. Это раз. Если охранник дежурит у первого подъезда, я могу выйти из второго или из третьего. Через чердак. Ты понимаешь, о чем я?

<...>

© Игорь Матвеев

Роман "Ляньюнган" полностью опубликован на samlib.ru

Мария Громакова

Дипломированный преподаватель русского языка как иностранного. Родилась и работала в Москве, училась в Санкт-Петербурге.

Окончила филологический факультет СПбГУ, где потом и преподавала в течение 7 лет.

Поэт, актриса. Автор 3 поэтических сборников, участник и финалист различных всероссийских литературных конкурсов, один из основателей "Театра Поэтов" в Санкт-Петербурге.

В октябре 2007 случайно оказалась в Китае (уехала преподавать на 10 месяцев по контракту), да так и осталась.

Читает лекции бакалаврам и магистрам в Сямэньском университете по 9 различным дисциплинам.

Время от времени пишет статьи о своей жизни в Китае для различных периодических изданий.

Лужа

Лужа забилась в осколки
большого кувшина.

Плач, молоко,
по утраченной форме своей.

© *Мария Громакова*

Мои поезда

Мои поезда не стоят на запáсном пути.

Слома паровоз не несутся навстречу иллюзиям ложным.

Плывут себе где-то, скрываясь в глазурной дали.

Ведь в небе «кирпич» не висит. И, стало быть, можно.

© Мария Громакова

Та, о которой никто не мечтает

Нарисуйте радость
на моём фасаде,
Подарите мне
счастливое лицо.
Я - ваша истина-та,
о которой никто не мечтает.
Я - как истина - та,
которой не хочет никто.

Стрелы улиц
от сильного сердца - трамваи
Начинали разучивать
новый этюд.
Я только что ушла,
меня позвали.
Но, к сожалению,
уже нигде не ждут.

Новый день.
Почему он так тихо вошёл?
Он хотел что-то скрыть,
или сам хотел скрыться -
Новый день, отражающий
в нервном блеске реклам
Свою слабую долю
здорового смысла.

Черчу монограммы
на пыльном бетоне,
Когда где-то в рояле
отдаётся вино.
Истина. Та,
О которой никто не мечтает.
Истина. Та,
которой не хочет никто.

© *Мария Громакова*

Смеяться!

Научите смеяться
глупую утку!
Косолапую утку
с большими ступнями.

Она – королева
в мишуре из укропа.
Толстозадая утка
с яблочным боком.

Праздник сегодня!
Нечего дуться,
Если лежишь
на серебряном блюде.

Оглянись!
Вокруг ведь такие
одухотворённо-голодные
лица.

© *Мария Громакова*

Шляпа

Я всегда мечтала
завести себе шляпу.
Такую,
с большими полями.

Я бы шла в ней по улице,
каблук от бедра...
А все бы смотрели
и говорили:
«Вон идёт дура в шляпе...»

А так я - просто дура.
Без шляпы.
Не интересно.
Вот никто и не смотрит.

© *Мария Громакова*

Моё одиночество

Моё одиночество пахнет яблоками, крепким кофе и долгими разговорами.
Отстранённой хрупкостью свежевystиранного белья
и слоёными улитками с изюмом из французской булочной.
Моё одиночество собирает безумные сны и не любит вставать по будильнику.
Повсюду ходит со старенькой цифромыльницей в жестяной коробке из-под конфет
и делает дурацкие карточки. Слепой снял бы лучше.
Моё одиночество хочет гулять с собакой и греть руки её дыханием.
Но одиночествам не положено иметь животных,
поэтому оно часто ходит в зоопарк и разговаривает с жирафом.
Моё одиночество знает всех музыкантов города и никогда не платит за билеты.
Ему звонят в 4 утра, чтобы почитать свои последние стихи, рассказать о любви
или новой концептуальной выставке.
Моё одиночество хочет иметь дом. Такой же, как в детской книжке с картинками.
И никогда не забывает взять с собой зубную щётку и флейту,
кто знает, где проснётся на этот раз?
Моё одиночество любит многоточия, старые вещи и воспоминания.
Поэтому до сих пор хранит пальто, которое давно пора выбросить
или хотя бы поменять подкладку.
Моё одиночество такое глупое. Но всё понимает. Почти как дельфин.
Пьёт старый кубинский ром на крышах высотных зданий, курит сигары
и мечтает научиться летать.

© Мария Громакова

Евгений Гончаров

Родился в 1955 году в
Благовещенске-на-Амуре.

Его дед и отец по работе были
связаны с Китаем. Отсюда
ранний интерес к этой стране и
ее народу.

По образованию и опыту работы
- журналист.

Жил и работал в Пекине,
Харбине и Даляне.

МАСКИ В КИТАЙСКОМ РЕСТОРАНЕ

Действующие лица:

Жорик, Жена, Тесть, Здоровяк, Официантка, Повар, Грузин, игроки, артисты на эстраде.

Перед входом в китайский ресторан.

Маски подходят к ресторану. Их опережает такси, останавливается. Задняя дверца открывается и, преграждая маскам дорогу, из машины выходят 50 китайцев. Китайцы заходят в ресторан.

В фойе ресторана.

Сидит собака с медалью. Жена гладит собаку по голове.

В зале ресторана.

Маски садятся за круглый вращающийся стол. Официантка подает им меню с иероглифами. Маски заказывают что попало.

Приносят блюдо с мясом. Маски едят с аппетитом, потом кто-то из них достает из блюда собачью медаль. Возмущаются. Официантка уносит блюдо.

Приходит Повар с Официанткой. Официантка держит шарообразный аквариум, там - живая змея. В Китайском ресторане принято показывать животное перед убоем. Маски кивают головами, выражая согласие. Повар запускает руку в аквариум, змея хватается его за указательный палец. Повар трясет рукой, пытаясь сбросить змею. Потом он выхватывает из-за кушака нож-тесак и несколько раз ударяет по голове змеи, положив ее на стол.

Жена вертит стол, пододвигая к себе блюдо с виноградом, берет одну виноградинку. Здоровяк вертит стол, пододвигая к себе блюдо с арахисом, берет один орешек. Этот цикл многократно повторяется, из-за чего стол вертится туда-сюда...

Тесть наливает стопку. Стопка перемещается к Жорику. Жорик выпивает. Пустая стопка возвращается к Тестю. Тесть снова наливает. Получается, что Тесть наливает, а Жорик пьет.

Официантка приносит блюдо из змеи. Едят с аппетитом. Пока кто-то находит в блюде отрубленный палец Повара.

Жорика идет в туалет. Дверь закрыта изнутри. Потом дверь открывается, выходят 50 китайцев.

Тесть видит на стойке бара бутылку с корнем женьшеня. Просит официантку принести стопку. Та приносит. Тесть выпивает. Тесть просит принести всю бутылку. Пьет много. Потом Тесть хватается за промежность. Из-за столешницы не видно подробностей, но понятно, что у Тестя появилась эрекция. Жена просит Официантку принести льда. Та приносит вазу со льдом. Тестю засыпают лед в штаны, и он успокаивается.

По ходу этих главных действий идет еще три второстепенных действия.

1. За соседним столом группа лиц устроила игру в рулетку. Грузин кладет в центр стола кепку. Все бросают в кепку по сотенной. Потом Грузин кладет кепку на край стола возле себя. Он вращает стол. Напротив кого кепка встала, тот и выиграл. Грузин тормозит стол, нажимая на специально устроенную педаль. Так он дает выиграть всем по очереди. В конце Грузин объявляет большую ставку. Все бросают в кепку по пачке денег. Грузин тормозит кепку напротив себя. Рассовывает пачки денег по карманам, и собирается уходить. Игроки удерживают его, требуют, чтобы он дал им отыграться. Бросают в кепку золотые украшения: цепи, перстни, портсигары. Один из игроков обронил

кольцо, полез под стол доставать. Грузин опять «выигрывает». Игрок под столом хватается шулера за ногу на педали. Грузина бьют и забирают у него деньги.

2. На эстраде два классических персонажа пекинской оперы – с красным и с белым лицом – изображают действие. Потом появляется балерина в гимнастерке и в штанах, с красным флагом. Персонажи пекинской оперы берут мотыги и начинают работать.

3. К ресторану подъехал на велосипеде человек. Штанину зажевало цепью. С велосипедом он вошел в ресторан, сидел за столом, ходил по залу, танцевал с дамой.

Финал

В центре стола лежит дуриан (фрукт с сильным неприятным запахом). Здоровяк берет фрукт и разрезает. Официантка надевает противогаз. Вся остальная публика, зажимая носы, разбегается.

© *Евгений Гончаров*

ДВА НЕРАЗУМНЫХ ЖЕЛАНИЯ

В стольном граде Пекине, в северо-восточной части Второго транспортного кольца, находится буддийский храм Юнхэгун. Там монахи-ламы читают сутры за благополучие китайского народа.

Надо сказать, монастырская братия не даром ест свой рис и пьет водку-эрготоу. Экономика Китая развивается ускоренными темпами, а уровень жизни китайского населения неуклонно растет. Давно ли мечтой каждого китайца были наручные часы, швейная машинка и велосипед. А сейчас граждане КНР имеют ноутбуки, домашние кинотеатры и легковые автомобили.

В самом высоком тереме храма Юнхэгун стоит 18-метровый сандаловый Будда будущего. К нему нескончаемым потоком идут китайцы и просят его ниспослать себе здоровья и богатства.

Но после 8 августа 2008 года, когда открылись Пекинские олимпийские игры, все жители столицы и ее гости устремились на стадионы болеть за китайских спортсменов. А те, кому не хватило билетов, прилипли к экранам телевизоров. Заметно меньше стало посетителей в храме Юнхэгун. А значит, уже не так густо клубился пахучий дым от травяных ароматических свечей у алтарей и, главное, уменьшились денежные поступления в ящики для сбора пожертвований. Ах, как туго пришлось монахам – они ели не крахмальную лапшу со свининой, а пустой рис, и пили не соевое молоко, а колодезную воду. Урчание их пустых желудков во время молитв стало заглушать перезвон бронзовых тарелочек. Отощали ламы, и животы у них стали не округлые, как арбузы, а сморщенные, словно сушеные сливы. И тогда настоятель храма сказал:

- Братия, я призываю вас внимательно приглядывать, и выявить среди посетителей самого щедрого за все дни Олимпиады. Мы должны отблагодарить этого доброго человека.

Ламы так и поступили. Когда всемирные игры закончились, выяснилось, что самое щедрое подношение храму сделали двое китайцев.

Старый собиратель вторсырья Ван сжег в жертвеннике пучок из девяти тоненьких травяных свечек и опустил в ящик для подаяний девять юаневых монет. Молодой поставщик металлолома Фу воскурил девять пучков толстых ароматических свечей и подал на храм девять стоюаневых купюр. Конечно же, эти пожертвования храму были далеко не равнозначные в материальном эквиваленте, но щедрость этих прихожан, бедного и богатого, справедливым

настоятелем была признана одинаковой.

И монастырская братия, впервые после 16-дневного олимпийского поста плотно отобедав, особенно истово помолилась за то, чтобы просьбы Вана и Фу к Будде будущего исполнились.

Старый бедняк Ван жил в хутуне Козлиной шерсти. Фанза его была настолько ветхая, что по ночам он видел сквозь дыры в черепице звездное небо. Кормился старый Ван тем, что собирал алюминиевые банки и пластиковые бутылки из-под колы и пива и сдавал их на пункт приема вторсырья.

Молодые и проворные конкуренты всегда опережали Вана, и на его долю оставалось совсем мало порожней посуды. Потому-то он попросил Будду будущего: «О, великий и всемогущий! Пожалей меня, больного и голодного старика, и дай мне насобирать столько бутылок и банок, чтобы денег за них хватило на всю оставшуюся жизнь!».

На следующее утро Ван проснулся, как обычно, чуть свет, чтобы хоть ненадолго опередить своих притких соперников. Он сбросил с себя лохмотья, которыми накрывался, встал с лежанки, выпил воды из-под крана и отправился

на промысел. И, о, чудо! Возле первой же площадки с мусорными контейнерами Ван увидел гору банок и бутылок высотой до второго этажа.

Не веря своей удаче, Ван принялся складывать это богатство в мешок. Когда Ван по-старчески семенил до своей фанзы, чтобы опорожнить мешок, он с тоской думал о том, что, вернувшись за новой порцией, застанет у мусорной горы других собирателей. Но, к удивлению и радости Вана, когда он возвратился, куча мусора оставалась нетронутой. Его изумлению и вовсе не стало предела, когда он увидел одного из своих конкурентов – хромого Сяо. Тот ковылял, в поисках вторсырья пытливым взором осматривая окрестности, но мусорную гору не увидел, словно ему застило глаза!

Лишь поздним вечером Ван принес в свой дворик последний мешок с мусором. А следующим утром, позволив себе поспать подольше, он нагрузил бутылками и банками кузов взятого на прокат у соседа трехколесного велосипеда и поехал их сдавать. Немало рейсов ему понадобилось, чтобы перевезти весь груз. К вечеру руки и ноги Вана дрожали от усталости, но зато в нагрудном кармане его кителя времен большого скачка была пачка бумажных денег.

200 юаней заработал Ван на сдаче мусора. На эти деньги он купил риса и муки, овощей и фруктов, свинины и рыбы. И пятилитровую бутылку эрготоу. Весь месяц Ван не работал, а предавался обжорству и пьянству, после чего его изношенные сердце, желудок и печень не выдержали перегрузки, и он в одночасье испустил дух. А накануне он как раз допил последнюю чашку эрготоу и доел последнюю миску лапши. Вот и вышло, что юаней, вырученных за найденные бутылки и банки, Вану хватило на всю оставшуюся жизнь.

Молодой богач Фу проснулся в широкой кровати красного дерева на розовой шелковой простыне в лиановых объятьях очередной молоденькой любовницы.

Фу стал миллионером, покупая в России лом цветных и черных металлов и поставляя его на металлургические комбинаты Китая. Просьба Фу к Будде будущего была такая: «Я богат, но есть немало китайцев, состояние которых много больше моего. Хочу стать самым богатым в Китае, и чтобы денег у меня было не меряно».

Зазвонил телефон. Исполнительный директор с тревогой в голосе докладывал, что баржи с металлоломом из Благовещенска и Хабаровска застряли в порту Харбина из-за того, что их там не разгружали.

- Почему простой? – возмутился Фу. – Фрахт судов стоит дорого!

- Мы не оплатили докерам разгрузку, - отвечал исполнительный директор.

- Так оплатите, и немедленно!
- Мы пытаемся это сделать, но не получается. В банке дают сбой компьютеры.
- Пускай они выгонят на улицу своего тупого системного администратора!
- С утра уже уволили двоих – это третий.

И подчиненный рассказал хозяину фирмы, что деньги с их счета в банке никак не удастся перевести на счет порта. Компьютеры в банке работают нормально, но зависают все разом при открытии счета фирмы Фу. Оно и не мудрено, ведь счетная машина, даже с самым мощным процессором, не знает такого понятия, как бесконечность. А именно столько денег и стало у Фу с того момента, как Будда будущего выполнил его просьбу.

Пробовали перевести деньги сначала на счет сторонней фирмы, а уже оттуда порту, но итог был тем же – банковские компьютеры глючили и не слушались операторов.

День ото дня состояние фирмы Фу становилось все хуже и хуже. Ломаного фэня не возможно было перевести на чей-то счет или обналичить. Чтобы хоть как-то продержаться, для текущих платежей и взаиморасчетов продали сначала все антикварные фарфоровые вазы и бронзовые статуэтки, каких у Фу было немало, скоро в распыл пошли автомобили, оргтехника и офисная мебель. А потом настал черный день, когда богачу пришлось продать свою виллу и переехать, стыд и позор, на съемную квартиру.

Партнеры по бизнесу, заподозрив что-то неладное, прекратили с Фу все дела. И вот несчастный и покинутый друзьями и любовницей Фу выпил бутылку коллекционной водки «Маотай» полувековой выдержки, достал из сейфа позолоченный револьвер с рукояткой из слоновой кости, инкрустированной бриллиантами, засунул его ствол себе в рот да и нажал на спусковой крючок.

Глядя на две эти преждевременные смерти, Будда будущего подумал:

- Сами виноваты. Зачем просили у меня того, чего не понимали? Лучше бы не отрывались от народа, а, как все нормальные китайцы, смотрели Олимпиаду и болели за нашу национальную сборную команду.

© *Евгений Гончаров*

Анна Виктория

Филолог, русист, в 2006 приехала на юг Китая в годовую командировку, живёт и работает здесь и по сей день.

Творчество Анны, как, впрочем, и у всех нас, связано с непосредственными событиями жизни. И поэтому Анна решила сопроводить свои стихи выдержками из дневника, который, кроме своей значимости как зеркала исторических событий, обладает собственной художественной ценностью.

Трудности нахождения себя в другой культуре — эта тема близка всем, оказавшимся за границей — кому-то в большей, кому-то в меньшей степени.

Когда ехала в Китай, я взялась вести дневник. Первый месяц был самый трудный, невыносимо долгий месяц на чужбине. Все остальное время я провела здесь как у Христа за пазухой, даже и не знаю, чем заслужила такое счастье. Забылась родина-мать с её нервозностью, неудовлетворённостью, жестокостью условий выживания. Осталось всё это где-то там далеко-далеко и лишь время от времени доходит до меня в виде электронных писем от подруг или телефонных рассказов мамы. Точно так же поросли пылью все мои страхи, тревоги, волнения, вызванные «пресадкой» на чужую почву. Помнится, на вторую неделю моего пребывания в Поднебесной один из наших соседей, старый профессор из Америки, вежливо поинтересовался: «Ну как впечатления от Китая?» Я была очень рада поделиться своими впечатлениями хоть с кем-нибудь, хоть на английском, поэтому со всей своей накопившейся тоской ответила: «Вы знаете, я чувствую себя здесь инопланетянином...» В ответ он сказал замечательную фразу: «Не переживай, ты не одна такая. Мы все здесь как инопланетяне!»

* * *

24.09.06

Еду в поезде. Слава Богу! И спасибо добрым людям, которые меня окружают.

<...> Поезд, не в пример вокзалу, оказался очень чистеньким, культурным. По три полки везде, постель уже заправлена, бельё чистейшее, на полу – ковровые дорожки, телевизор в каждом плацкарте. Радио передаёт английские песни в исполнении китайских певцов. Народу, конечно, много, но всё очень спокойно. Лида попросила моих соседей помогать мне, если что. <...> Китайцы, мои соседи, по-английски почти совсем не говорят, зато мило улыбаются. Пошла умываться. Два умывальника, тёплая вода, жидкое мыло. В туалете есть туалетная бумага!!! Чистота везде – как в аптеке! Ни запаха, ни пылинки, ни соринки. Проводники ходят то со шваброй, то с веником и совком. Нет, честное слово, у нас в больницах нет такой чистоты! <...>

20.09.06

В туалете (во втором, их тут два) есть ещё краник на высоте примерно 40 см. от пола, в полу дырочка. Грех не воспользоваться, тем более, что ехать ещё сутки. А вот туалетная бумага закончилась, и её не

торопятся положить. Как на родине! На верхней полке без одеяла холодно – кондишка работает слишком добросовестно – да и в горизонтальном положении всё время находиться невозможно. На станции вышла прогуляться, заодно купила 4 яблока, отдала УЗ. Противные. А лепёшку, которую купила вчера в супермаркете, вообще есть невозможно. На обед куплю, всё-таки, лапши. Китайцы мои на контакт не идут. Но и не пьются, как на обезьяну. И на том спасибо.

Сейчас писала дневник по воспоминаниям от 22-го числа. Опять слёзы в три ручья, когда всё это вспоминаешь. Исморкала и изревела все одноразовые платочки, что были в сумке. <...> Да чего я реву и реву без остановки! Зарекалась ведь уже! Всё пока складывается благополучно... Зарекалась свинья в грязь не лезть.

Спустилась вниз, поглазела в окно. Купила лапши у официанток в смешных униформах. Соседка любезно предложила мне кипятка из своего термоса. Ну вот, а я редела! Надраконила лапши, съела-таки несъедобную лепёшку. Видно, для успокоения нервов понадобилась. На ужин – банан и яблоки. Что день грядущий мне готовит? Буду молиться.

26.09.06

Оказывается, поезд прибывает не в 8, как было запланировано, а около 12-ти. Бедный тот, кто будет меня встречать. По крайней мере они дома, догадаются спросить в справочном бюро. Между тем мы подъезжаем к месту назначения, и пейзаж за окном меняется: всё больше встречается пальм и таких деревьев, похожих на наш клён с огромными листьями (*PS: теперь-то я знаю, что так растёт папайя! Ха-ха.*) А по обочинам растёт такая трава, очень похожая на наш обычный пырей, но если бы его увеличили раз в пять. Вобщем, травинки высотой с кустарник и лопухи в человеческий рост. В вагоне по-прежнему свежо, и о том, что на улице жарко, понимаешь лишь только тогда, когда выходишь в тамбур: там открыты форточки. У нас, в России, если открыта форточка, из неё дует холодный ветер, ну, или прохладный. А тут – наоборот.

Приехали. Меня встречают две хрупкие китайские девочки, прекрасно говорящие по-русски. Город впечатляет своим масштабом и красотой. Студенческий городок – супер! Чистота, красота, опять же, масштаб! Много цветов везде. Девчонки объясняют, что название города переводится как «город цветов» (*PS: по другой версии, оно ещё означает «город козлов», но ни та, ни другая версии пока не доказаны...*) Приехали в общежитие. Всё хорошо, но воздух! Сырость. Сырость и грибок. Это потому что первый этаж и северная сторона. За окном – сопочка, и солнце сюда не попадает. Завтра-послезавтра меня переселят в другую комнату, но она тоже на первом этаже. Кухни в комнате нет, придётся пользоваться общей. Всё потому, что я опоздала, все хорошие комнаты уже заняты (*PS: а опоздала я потому, что их Международный департамент дважды присылал мне приглашение и дважды до неузнаваемости коверкал мою фамилию. К слову сказать, они и сейчас её пишут с одной и той же ошибкой: Sevastyrnova, устала уже их поправлять. Ладно, пусть назовут хоть горшком, лишь бы в печь не ставили.*) А я чувствую, что в этой сырости долго не протяну. Или протяну ноги!

Идём в студенческую столовую, меня угощают всё те же студентки. Порция огромная. Целый тазик лапши! Это для моего-то желудка, который размером с напёрсток?! Не могу...

Иду домой, привожу себя в порядок, потому что в четыре надо

быть в административном корпусе, решать организационные вопросы, а потом у них праздничный ужин для иностранных преподавателей. Вот так совпало: с корабля на бал!

27.09.06 Проснулась опять в 6 часов. Какие-то экзотические птички за окном заливисто щебечут. А Юрик рассказывал, что в Китае нет живности, всех давно уже поели. Значит, не всех. Открыла окно, прямо перед окном – пальмы. Настоящие пальмы, не на открытке и не в

телевизоре. Сегодня подойду поближе, пощупаю. Тишина. Только

слышен стрекот цикады и сладкое пение птиц. Хочется включить радио, послушать русскую речь. Но - увы! Здесь вам не там!

Сходила в супермаркет, в котором мы были вчера с девочками. От изобилия пестрит в глазах. Как можно есть эту химию? <...> И вот хожу я между этих прилавков и полок, а на душе такая тоска! Хочу домой. Да, мне намного было бы легче, если бы рядом был друг. С трудом купила себе пожрать. Китайцы не говорят по-нашему, по-английски, подсказать не могут. Смеются надо мной. Так, по-дружески, ну и я смеюсь в ответ, а что ещё скажешь? Домой хочу!

Завтра мой первый рабочий день за границей. Пойду знакомиться с коллегами, со студентами. Довольно ответственный день. Но почему-то волнения нет. Завтра буду волноваться. А вообще, стоит ли? Столько надёргалась за эту неделю! Хочется, чтобы всё уже устаканилось, стабильности хочется. И потом, раз уж пошла работа, дневнику моему будет уделяться всё меньше и меньше времени.

06.10.06

Целую неделю не брала в руки дневник! Много забылось. Втягиваюсь потихоньку, привыкаю. <...>

На прошлой неделе нас возили на банкет, посвящённый 57-летию основания республики. Администрация города ежегодно устраивает такие тусовки для иностранных преподавателей. Познакомилась там с Татьяной Семёновной, она не только из России, но и из Владивостока, и даже из нашего ДВГУ, Институт восточных языков. Здесь работает в Пединституте, тоже преподаёт русский. Несколько лет тому назад работала в том же универе, что и я теперь. Тесен мир! Обменялись телефонами, теперь общаемся (*PS: общаемся мы с ней и по сей день*)

После этого следовала неделя каникул (*т.н. «Золотая неделя» по случаю всё того же национального праздника*) <...> Взяла с кафедры магнитофон, у меня с собой всего две кассеты: русские народные (*блатные, хороводные*) и инструменталка. Вот они мне душу-то и греют. Не привыкла я, когда в комнате тихо. Когда надоедают русские народные, включаю китайское радио, там песни передают.

Ещё меня переселили в другую комнату. Здесь холодильник есть и микроволновка, и грибок не такой махровый. Уже два раза пользовалась общей кухней. Там газовые печи, никак не могу к ним привыкнуть. Жарю яичницу, и лук пригорает. Шила, моя соседка по этажу, научила меня пользоваться машиной для сушки белья. Надо будет ещё научиться пользоваться стир.машинкой, а то с автоматическими я ещё дела не имела. Вообще, эта Шила – очень милая мадам. На лицо ужасная, добрая внутри. Недавно она разузнала, где можно купить человеческую еду, угостила и меня. Йогурта подкатила, молока, сыру. Неудобно, поэтому я ей сегодня в знак благодарности отдала ветчиной и сливочным маслом. Все довольны ☺.

Во вторник, 4-го числа, мои соседи со второго этажа пригласили меня к себе на вечеринку. А я ещё уставшая, только что с шоппинга вернулась. Ну ладно, грех не познакомиться с соседями. Молодые ребята, европейцы, и, что интересно, почти у каждого парня – китайская подружка, прилично говорящая по-английски. «Что отмечаете?», – спрашиваю. «Ничего. Ездили в Траст Март (*название супермаркета*), купили много немецкого пива.» Посидели чудно, правда, они, собаки, так быстро говорят, процентов 50 только успеваю уловить. Я ушла около 12, а они, как потом выяснилось, разошлись только в 5 утра. Неслабо. Учитывая, что пили всё подряд: пиво, шнапс, вино, сакэ, смешивая всё это в течение одного вечера и с минимальным количеством закуски. <...>

07.09.06

суббота

С утра тоска такая! Хочу домой. Кассета с русскими народными уже затёрта до дыр. Охранник за окнами стоит, делает вид, что просто так стоит. А сам в комнату заглядывает, слушает. Молодой, любопытный. Зашторила окно – пошёл на фиг! И так в квартире солнца не бывает, да ещё за шторами приходится прятаться. Так домой хочу! Сил моих женских нет! Опять разревелась. И что меня туда тянет? Ни кола, ни двора, отовсюду гонимая. Всё-таки, там хоть, по крайней мере, русские голоса из приёмника доносятся, и по телеку наше, родное, показывают.

Вчера у меня было такое потрясение! Бродила по торговой улице и случайно забрела на продуктовый рынок. У входа продают фрукты. Дай, думаю, куплю что-нибудь к ужину. А там в глубине – настоящий

рынок, большущий. Сразу в нос шибануло тошнотным зловонием, но любопытство взяло верх, и я пошла на разведку. Китайская лапша, приправы, корни – ладно. Мясо. Прилавок, весы, разложены куски мяса, тут же деньги. Продавец этими купюрами по мясу шлёпает, что-то приговаривает... Дальше – овощи, зелень, салаты. Тут же лепят пельмени, готовая еда, какие-то малюсенькие шашлычки. Потом – аквариумы со всякой морской живностью. Любят они всё живое! Рыбы разных размеров и мастей, ракушки, улитки, креветки, крабы (связанные по рукам и ногам, чтоб не убежали). Если рыбку покупаешь, продавец её умерщвляет, чистит, потрошит, и – готово! Дальше идут клетки с живыми курами. Их в каждой клетке столько натолкано, что беднягам ничего не остаётся, как просунуть головы между прутьев и ждать своей участи. А участь такая же, как и у рыбы. Прямо здесь же, на глазах у покупателя. Вот такой вот натюрморт: мясо, рыба, головы, внутренности, аквариумы, овощи, фрукты – всё вместе на одной территории. Какая вонища там стоит! В прямом смысле режет глаза. И в довершение ко всему – экзотический фрукт, не знаю, как называется, но воняет так – рвать охота. Огромные колючие плоды светло-коричневого цвета. Говорят, обалденно вкусный, если хорошенько зажать нос. И ведь покупают же! Народ толпится, выбирает, взвешивает. (PS: Только через полгода я узнала, что звать его «люлен», или «дуриан») Этих, с позволения сказать, «фруктов» навалены целые кучи у входа на рынок. Тошниловка. А накануне около этого рынка стояла одна тётка, так вот, у неё через плечо были прекинута две прямые палочки, к этим палочкам привязаны длинные верёвочки, сантиметров по пятьдесят, а к верёвочкам черепахи привязаны поперёк панциря. Висят, горемыки, в воздухе ногами перебирают, шеи вытягивают, и не знают, какая судьба их ждёт: жаркое с гарниром или суп. Чужое всё, шокирующее. Домой хочу.

Вечер.

И скучно и грустно,

И некому руку подать.

Завтра на работу, хоть какое-то разнообразие в жизни.

15.10.06

Ливень! Настоящий тропический ливень. Сейчас 3 часа ночи. Проснулась от вспышек молнии, шума падающей воды и оглушительных раскатов молнии. Страшно! Гром грохочет где-то совсем близко, между вспышкой молнии и взрывом проходит от силы секунды три, а порой и одной секунды не проходит. А у нас дома надо досчитать до десяти, да ещё прислушаться после этого, т.к. гром грохочет далеко-далеко, еле слышно. Здесь же от звуковой волны сотрясается воздух. Такое ощущение, что какой-то великан на небе пускает волнами огромный лист железа. Прямо над головой! Начало лить вчера, около 6-ти часов вечера. Я весь день провалялась, а на ночь глядя собралась в институт и по магазинам заодно. А тут дождь. Ну, думаю, пережду. Уже не раз так бывало: в пять начинается дождь, а в шесть уже даже и дорожки сухие. Не тут-то было! Как говорится, была команда «Разойтись», ну, я и разошёлся! Это хорошо ещё, что ветра нет, вода падает ровно. Но и то, в спальне чуть-чуть заливает. Пришлось закрыть окно. И страшно, честно-то говоря: сопки кругом, а вдруг ещё смочит нас мощным грязным потоком! Гром потихоньку уходит в сторону, но лить не перестаёт. Хорошо, что воскресенье, можно дома отсидеться. Хотя, в магазин сходить бы не мешало, да и в институт тоже. Ладно, посмотрим. Попытаюсь уснуть, уже четыре.

К утру всё прекратилось. Какая же парилка стоит на улице! Огромный банно-прачечный комбинат. <...>

А вчера сварила борщ! Без свёклы, правда, но всё равно родиной пахнет. Щи. Щи да каша – пища наша. Каша (овсянка) уже надоела. А без борща - тоска...

19.10.06

Возвращаюсь с работы раньше обычного. На крыльце общаги стоит Шила, беседует с соседом на чистейшем английском. Увидев меня, сообщает: «There is a message for you on your door.» Подхожу к двери – и правда, бумажка приклеена. Оказывается, это она сама же эту записочку «начирикала». «Если ты вернёшься домой раньше семи, позвони мне.» Иду к ней, спрашиваю, чего надо. Приглашает меня на посвящение своих первокурсников в студенты. А перед этим, мол, мы поужинаем в

нашем ресторане. Пугаюсь при слове «ресторан» (в кошельке – 20 тугриков с копейками), спрашиваю, сколько мне взять с собой. – Нисколько, говорит, студенты нас приглашают. – Как так? – Расслабься, говорит, доверься мне, тебе понравится. Ну ладно, расслабляюсь.

Идём в ресторан. Оказывается, он расположен на втором этаже нашей занюханной столовой. Шила заказывает креветки, два пива и горстку риса. Божественные креветки! Сладковатые, свежие, немороженные. Кажется, что они ещё живые и так жалобно смотрят своими глазками-бусинками в самую душу! «Ешь, - говорит Шила, - они умерли 10 минут назад, специально для нас!» Често говоря, оптимизма эти слова не добавляют. Страшно отрывать головы и лапы, и сначала не могла удержаться от брезгливого писка. Но мы были «short of time», поэтому выёживаться было некогда. Эх, где мой Олежка, он-то меня с рук кормил этими тварями. Пришлось объяснить Шиле свою неадекватную реакцию, ну, и, по логике вещей, вкратце описать своё «бессемейное положение». В благодарность за это она посвятила меня в тайны собственной души, большую часть которой занимает её дочь. Соответственно, основные переживания, проблемы и т.п. связаны с ней. Наспех забросали в себя креветок, залили всё это пивом местного производства (кстати, Оч-чень даже!). Расплатилась Шила, то ли, поняв, что у меня напряжёнка, то ли «Просто так!!!», не важно, мне было сказано расслабиться, вот я и расслабляюсь.

А концерт был шикарный! И техническая сторона, и содержательная. Песни на китайском варианте английского, сценки (в которых мы мало что поняли), танцы от народных до супер-пупер-современных, было даже немного балета. Приятно удивило, что почти у всех китайских девчонок сногшбательные точёные фигурки. И длинные ноги! Где они таких понабрали, интересно?

Весь концерт моя Шила вела себя как большой ребёнок: нервно смеялась, к месту и не очень, стучала надувной дубинкой по головам вокруг сидящих пацанов, щупала их вздыбленные и залакированные причёски, грызла свой начавший сдуваться шарик... Закончилось шоу около 10-ти. Последним номером выпустили профессиональных брейк-танцоров. О-бал-деть! Нижний брейк вперемешку с рэпом. На каких только частях тела они не вертелись!

Возвращались мы вполне довольные, с букетом шариков, светящихся палочек и колечек, подобранных с пола, а также с поллитровыми бутылками воды, которые организаторы мероприятия предусмотрительно поставили на подлокотник каждого кресла (!!!).

По пути домой Шила предложила зайти ещё в кафешку, выпить настоящего кофе (*что в Китае большая редкость!*) с пироженкой. Кофе в это время я пить не буду, но компанию составлю. Кафешка вполне приличная, а вот пирожные и мороженое у них весьма странные. Боюсь, что завтра утром не влезу в брюки.

И – радостная новость! Шила сказала, что завтра денежку перечислят на карточку. По этому случаю в холле общежития повесили объявление, что в субботу организуется массовый выезд в европейский магазин. Поеду, конечно. Если деньги будут, поеду хоть на Луну! А на следующей неделе – поездка на горячие источники и в буддистские деревни. И туда поеду! Хватит сидеть в четырёх стенах. Жизни хочется! Жизни!

Матери (в смысле, Родине Матери)

Как я скучаю по тебе
Моя неласковая Мать!
Ни дома, ни семьи, ни денег -
Казалось бы, чего скучать?

А здесь - в гостях, я – иностранка,
Мне всё вниманье и забота:
Концерты, *party*, рестораны
И all conditions для работы.

Здесь экзотические птицы
Так сказочно поют за окнами,
А я опять кручу кассету
С застольно-пьяно-хороводными...

Здесь Новый год не пахнет хвоей,
Здесь всё совсем наоборот:
Зимой зелёные газоны,
И витамины круглый год.

У всех в квартирах мёрзнут пальцы,
Когда на улице жара,
И в шубах пляшут Санта Клаусы
При девятнадцати тепла!

© *Анна Виктория*

Тони Гау

/Tony Gau

Лингвист, переводчик, писатель (а том числе — технический), преподаватель. Влюбился в Китай в 14 лет, в 15 убежал в Шаолинь, но одумался и вернулся. В Шаолинь, тем не менее, попал еще через 15 лет, но романтика боевого монашества поблекла, хотя позаниматься кунг-фу там все же удалось. Приехал в Срединное государство в 2002 г. строить атомную станцию, с тех пор живет в Китае, преподает, воспитывает, пишет.

Китаяночку

- Ну, ты хоть китаяночку-то попробовал? – после второй рюмки задал Володька вопрос, который в той или иной степени волновал каждого за столом.

Мужики из конструкторского бюро сидели на кухне у Аркадия Семеныча, отмечая его приезд из годовой командировки в Китай. За окном майский закат только-только начал отбрасывать удлиняющиеся тени, во дворе гоняли ребятишки с гиканьем и криками.

Веселый Семеныч было посерьезнел от такого вопроса, но, смахнув морщину, прорезавшую лоб, с добродушной улыбкой ответил:

- Ну, это, в общем, запутанная история. Давай-ка сначала еще по маленькой.

Мужики оживились и одобрительно загудели, настраиваясь на все более интересное развитие и без того экзотической командировки Семеныча.

Градус посиделок поднимался с каждым новым тостом и с каждой новой историей про далекий Китай. Семенычу в следующем году будет пятьдесят, и за всю его инженерную жизнь это была первая поездка за рубеж, да еще по работе, да еще на год. И Семеныч рассказывал истории одна другой невероятней. Про то, как китайцы живут, и какая работа была у Аркадия Семеныча, и что там вообще происходит не так, как у нас.

- А ты там прямо палочками ел? – спросил Женя Беляев, самый молодой и единственный неженатый член коллектива, с покрасневшими от алкоголя щеками, - он был как раз следующим специалистом из отдела, которому надлежало ехать в Китай по контракту.

- Ну, палочками я научился есть прямо сразу, в первый же обед, - сказал Семеныч, подцепляя вилкой соленый огурчик с тарелки.

- А вот тогда и нечего, - сказал Виктор Демьяненко из соседнего с Семенычем отдела и сбросил ножом огурец с вилки Семеныча.

Семеныч слегка опешил от такой выходки, - хозяина дома лишают его собственного огурца.

- Давай, доказывай тогда, как научился! – Виктор с хрустом разрезал сброшенный огурец на две части, щелкнув ножом по тарелке. - Палочки-то с собой привез?

Семеныч рассмеялся и достал из ящика кухонного пенала красные, с золотым узором наверху, китайские палочки.

- А как же. Вот они, рódные, теперь всегда рядом, чтобы не потерять навык.

Под одобрителные возгласы и беззлобное подтрунивание Семеныч взял палочки в правую руку, настроил их длину левой, погонял огурец по тарелке и, наконец, зафиксировал его с третьей попытки между круглыми кончиками палочек.

- Тихо, тихо, - сказал он, силясь не рассмеяться, - у них такой еды нет, поэтому и палочки их под наш русский огурец не заточены. Спокойно, граждане.

И Семеныч медленно отправил огурец в рот, вернее даже подался ртом навстречу огурцу, подстраховывая его раскрытой ладонью левой руки.

- Ну, теперь ты как настоящий катаец, - сказал Виктор сквозь одобрителные возгласы.

- Ну-ка, дай-ка! – сказал седовласый Дмитрий Макарович, пенсионер с пористым сизым носом, все еще работающий в отделе, и протянул руки к палочкам.

- Да че ты, Макарыч, на старости лет будешь всякой ерунде учиться, - подначил его Виктор.

- А чего тут учиться, - Дмитрий Макарович захватил палочки в кулак, - Наливай да пей.

Он усмехнулся, вознес руку с палочками над столом и вонзил обе в котлету. Потом поднял ее и откусил большой кусок под одобрителный гул мужиков:

- Вот тебе и русская смекалка!

- Русский человек нигде не пропадет!

Довольный своей находчивостью, Дмитрий Макарович положил, вернее даже поставил, котлету с торчащими вверх палочками к себе на тарелку

- Давай, Макарыч, знаешь что, не втыкай палки в еду, - сказал Аркадий Семеныч и вынул палочки, аккуратно стряхнув надкушенную котлету обратно в тарелку к Дмитрию Макаровичу.

Семеныч было нахмурился, но тут же с улыбкой добавил, разливая по рюмкам:

- Тут ведь как? Искусство как раз в том, чтобы еду маленькими порциями по очереди к себе в рот таскать. Раз-раз! И устанешь много таскать, и наешься маленькими кусочками быстрее. Вот почему китайки все такие стройные.

- Ах да, про китайнок, - встрепенулся Виктор, - так чего там у тебя было?

- Да чего только не было, - отшутился Аркадий Семеныч. - В двух словах не описать.

- Вот с этого места поподробней, пожалуйста, - оживился Павел Сытин, еще один член коллектива, сорокалетний мужик с немного диссонирующим детским лицом, расчерченным морщинами.

- Ну, чего вам рассказать, народу у них много, и, стало быть, девчонок много всяких разных тоже. Только плоскозатые они у них какие-то в большинстве, да и груди нет совсем. Как они этими пипеточками полмиллиарда человек выкормили, непонятно.

- Ха, «пипеточки», - повторил Женя. – Скажешь тоже. Что, совсем нет фигуристых?

- Ну, а вообще, всякие девчонки есть. Но в массе своей вот такие, маленькие, плосконосые, с перегидроленными волосами, в поддельных джинсах местного производства. На тысячу будет, может, одна статная,

фигуристая, ухоженная.

- Ну а ты-то, ты-то? У тебя-то что?

- А я что? Я человек семейный.

- Да ладно заливать! За год-то? Ничего не было? Не поверю. Все ж свои.

- Ну не верь. Чего я?

- Ладно, замаяли. Надо выпить за отсутствующих здесь дам. Поехали, - сменил тему Виталий Олегович, начальник отдела и не дурак выпить под хорошую закуску, единственный из присутствующих в костюме, хотя и без галстука.

Чокнулись, подождали тех, кто лихорадочно доливал в свои рюмки, потом чокнулись по второму разу уже и с ними, выпили и синхронно заели разносолами, которые жена Семеныча приготовила к мужским посиделкам.

Супруга Аркадия Семеныча Дарья ушла с дочерью к подруге, чтобы не мешать друзьям должным образом провести первую встречу после долгого отсутствия виновника торжества. Мужу нужна своя отдушина, в которой она только будет мешаться и не даст развернуться всей мужской стати. Тем более, в своей квартире, а не неизвестно где. К тому же и самой Дарье хотелось поболтать с подругой весь вечер. Так что, мужская компания была так же счастлива, как и женская.

- Вкусно, кстати, Семеныч, - с набитым ртом сказал Виктор, - мое почтение Дарье Сергеевне.

- Да, передам. Она у меня рукодельница и искусница, тут не поспоришь. – Семеныч задумчиво оглядел стол и перевел взгляд за окно, на набирающий обороты закат.

- А вообще, как ощущения, от жизни там? – расширил Виктор перечень тем.

- Ну, в общих чертах, выжить можно.

- А вот в магазинах, на улице, как вообще ходить, покупки там делать? – не унимался Виктор.

- Вот тут, конечно, труднее, - вдруг посерьезнел Семеныч и пожевал губами, поставив свою было поднятую рюмку обратно на стол. – Ходят они не так как мы.

Все как-то напряглись и уставились на Семеныча.

- То есть?

- Ну, то и есть. Привыкнуть трудно. Ходят задом наперед, только успевай уворачиваться... А, ну и, как бы это... у баб, в общем, это самое, не вдоль, - Семеныч выставил ладонь вертикально перед лицом, - а поперек, - и он резко перевел ладонь в горизонтальное положение, глядя поверх нее через лукавый прищур.

Все заржали.

- Пошел ты, - театрально обиделся Виктор. – Я тебя серьезно спрашиваю, про культурные аспекты.

- Что ты, аспекты какие-то, - вошел в дискуссию Дмитрий Макарович. – Люди они и в Африке люди, ходят, продают, покупают. Надо будет дойти куда-нибудь, дойдешь за милую душу.

- А насчет культурного отдыха как там? – спросил Женька.

- Ну вот, кафе есть, бары, - оживился Семеныч. - Как раз на углу от гостиницы была кофейня наша любимая, обстановка уютная. Часто туда ходили кофе пить. купишь бренди в супермаркете, - кстати, неплохую и дешевую местную брендюшечку нашли там, - придешь в кафе, закажешь чашечку ко-офэ, достанешь бутылочку, а они тебе еще стаканов для бренди принесут.

- Вот чудеса, - сказал Женья, - и чего, не погонят со своим?

- Да нет, у нас хорошие отношения с хозяйкой были.

- Ну, то есть, под столом не надо разливать. Как белые люди, ё-моё, - резюмировал Женья.

Мужики задавали еще много вопросов, про еду, про работу, и про отношения внутри российского контингента и с местными. Все уже успели подивиться китайским сувенирам из тех, которые Семеныч выставил на обозрение. Каждый также попробовал подцепить какой-нибудь кусочек еды палочками.

Когда за окном давно установилась темнота и ребячий гомон на улице постепенно затих, Семеныч закурил еще одну и сказал:

- Ладно, по последней и хватит курить. А то к приходу Дашки не выветрится.

Мужики послушно вытащили сигареты и закурили, даже те, кто, в принципе, курить пока и не собирался. Семеныч подошел к окну и пошире открыл створку, пару раз махнув рукой в сторону улицы, указывая дыму,

куда надо улетучиваться. Потом вернулся к столу и сел на свою табуретку.

- Ну, не зря съездил, в общем, – резюмировал Виктор и поднял бутылку водки, посмотрев через нее на свет. – Еще на один тост хватит. А там и расходиться пора.

- Ну тогда, давай за возвращение твое, - думаю, нормально съездил, не подкачал звание российского специалиста, - Виталий Олегович поднял свою рюмку.

- Да, за вас, ребята, рад вас всех видеть, спасибо, что пришли, - Семеныч понятулся навстречу рюмке Виталия Олеговича, и к ним нестройно присоединились все сидящие за столом.

- Ну ладно, попили-поели, пора и честь знать, - сказал Дмитрий Макарович, когда все выпили, и встал из-за стола. - Пойдем, пожалуй.

Остальные тоже задвигали табуретками и встали, подхватывая остатки разносолов с тарелок.

Когда все, наконец, обулись, Семеныч вышел вместе с ними в коридор. Они выкурили на посошок перед лифтом, Семеныч рассказал о китайских сигаретах, отпустили два лифта и зашли в третий. Мужики еще раз пожали хозяину руку и, толкаясь, по очереди зашли в лифт под аккомпанемент постоянно норовящих закрыться дверей:

- Лады, до понедельника, встретимся на работе.

- Ну все, семье привет.

- Семеныч! Давай! - вскинул Виктор кулак в стиле «но пасаран», и двери лифта, наконец, захлопнулись перед ним.

Натужно урчащий лифт утянул вниз асонорный хор нетрезвых голосов. Семеныч вернулся в квартиру и вошел на кухню. Разгром на столе был вполне приличный, и, пока Дарья с дочкой не вернулись, он решил помочь хотя бы скинуть обьедки с тарелок.

Однако после одной очищенной тарелки Аркадий Семеныч сел на табуретку и налил в первый попавшийся стакан яблочного сока. Он просто сидел и смотрел на свою кухню. Дома было хорошо. Все родное и понятное. Уютно. Наконец-то он дома. Уже четыре дня, как. Уже начал привыкать к жизни, от которой, казалось, за год отвык. И, если раньше, под конец командировки в Китае, казалось, что трудно будет отвыкать от устаканившегося обихода русского специалиста за границей, привыкать к дому не пришлось – дом он и есть дом. Тем более, по нему Семеныч скучал каждый день, что бы ни происходило, чего уж тут. Не было дня,

чтобы не скучал, в некоторые больше, в некоторые меньше.

Аркадий Семенович взял последний малосольный огурец с тарелки и задумчиво захрустел им. Звонок в дверь заставил его встрепетаться, и он пошел открывать. Наконец-то девчонки пришли.

На пороге стоял Женя Беляев и, виновато взглянув на хозяина, сказал:

- Семеныч, я, кажется, телефон забыл, можно возьму, а?

- Конечно, заходите, Евгений, телефон вещь важная. – Семеныч посторонился, позволяя Жене пройти в квартиру по замысловатой траектории.

- Не пришли твои еще?

- Нет, я тут убираюсь потихоньку.

- А, вот он, - Женька заметил телефон на холодильнике между пустыми тарелками и уткнулся в него, проверяя пропущенные вызовы или смс-ки. – Ни-че-го..

- Сок будешь?

Женя остановился и с прищуром спросил:

- Семеныч, колись, ладно, китаяночку-то попробовал?

Семеныч налил себе сок, потом посмотрел на Женю, налил и ему. Женя опустил на табуретку рядом, ухмыляясь и не сводя хитрых глаз с Семеныча.

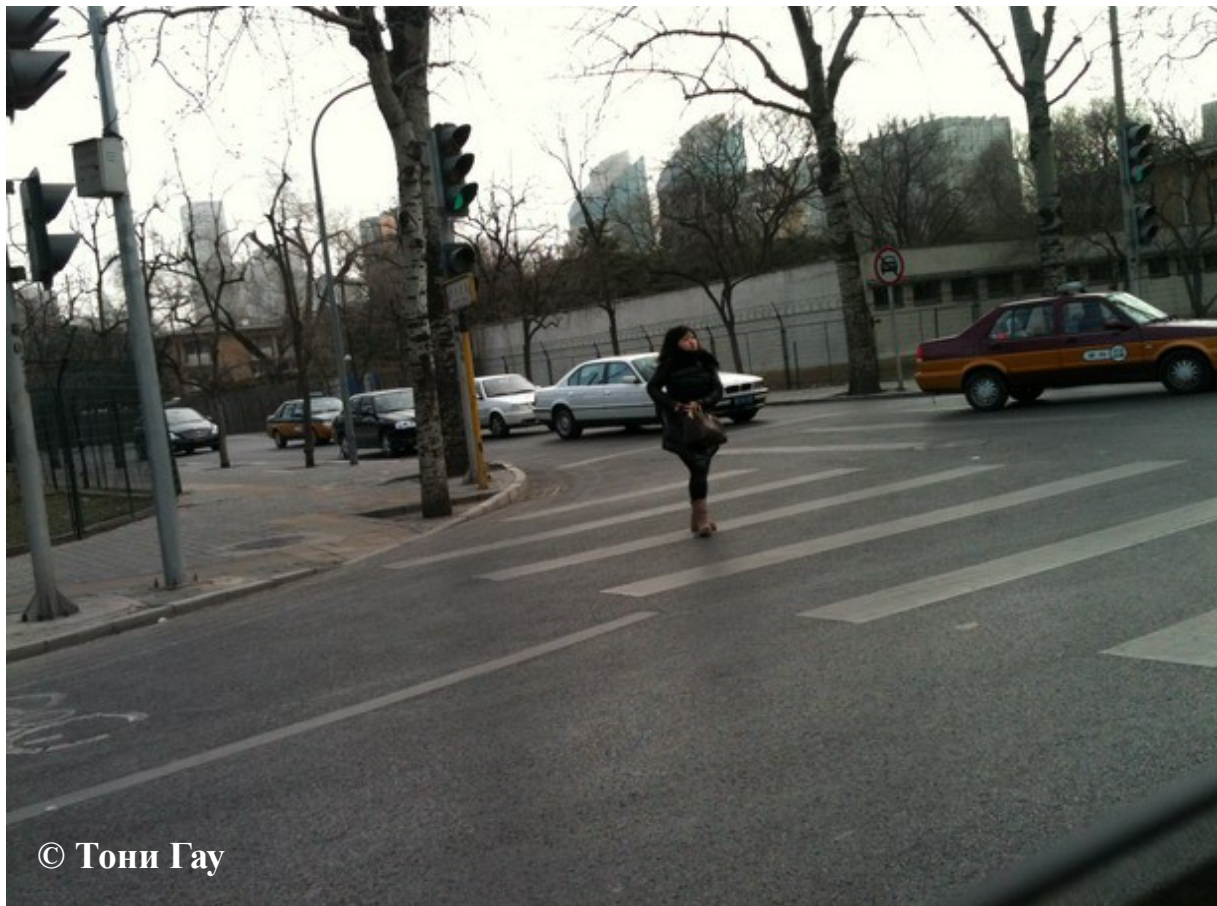
Семеныч же смотрел сквозь Женю, думая о чем-то своем. Все так же задумчиво, сказал:

- Вот я тебе рассказывал про кафе наше там, рядом с гостиницей. Хозяйка там была ухоженная такая, аристократическая кость.

- Ага, серый волк, все с тобой понятно, - расплылся в улыбке Женя, - дальше можешь не рассказывать. Хотя, рассказывай давай, - он взял свой стакан, отпил половину, поставив его на край стола, среди грязных тарелок и рюмок.

- Да нет, ты подожди. Так вот, хозяйка набирала себе официанточек под стать себе, миловидных, с английским языком, понятливых. И была там одна совсем молоденькая, улыбчивая. Вовсе и не чтобы совсем красавица, непонятно, чего ее приняли на работу, пышечка, пальцы еще такие коротенькие, пухленькие. Но улыбалась она так солнечно, что сил не было удержаться от улыбки в ответ. Щеки ее расползались от этой улыбки, ямочки образовывались. И глаза так смешно в щелочки превращались, в

общем, все лицо или даже тело ее как бы улыбалось, что ли. Ни с того ни с сего она тебе улыбалась, - вот как тыходишь в кофейню эту, тепло так становилось, уютно. Она помладше дочки моей, не знаю, может школу только что закончила, может бросила даже. Дочка-то моя вон уже в институте учится.

© Тони Гау

Семеныч отпил из стакана и продолжил:

- Но английский ее еще хуже, чем у меня был, мы с ней общались на международном ломаном инглише, я ее русским словечкам учил, она меня китайским, - пока сидел пил кофе у них, если клиентов не было. Ну, то есть как к дочке я и относился к ней. Зарплата у них там, у официанток не ахти какая, если на доллары, то, может, долларов двести в месяц, но счастья это в ее жизни, видимо, не убавляло. Пригласила она нас с другом поесть в ресторан однажды, «хугуо» называется. Перед тобой на столе конфорка, на ней суп в кастрюле, и ты сам закидываешь продукты туда, мясо, овощи, и готовишь. Научила как что делать, как что называется. Она даже хотела за всех заплатить, еле отбились. Что она, девчонка за двух здоровых мужиков платить будет, да еще за себя? Так и текло время, - иной раз по приходу ее не увидишь, и, если она выходная, уже посиделки

в кафе не совсем то.

- Это если брэнди с собой забыли принести, - сказал Женя.

- Ну и это тоже. В общем, встречались иногда, по магазинам ходили, она нам скидки выбивала, показывала все, по ресторанам с интересной кухней водила. Подружились, в общем. И, естественно, я ее не воспринимал никак, кроме как маленького своего друга. И она, впрочем, ничего другого и не давала нам понять. Обмен культур, языков, все чисто платонически.

Семеныч допил свой сок, и уставился в стакан.

- В общем, через некоторое время мы потеряли, как это зачастую у нас бывало, связь. На работе завал был, с ребятами в новую едальню стали ходить все больше, я и думать про нее забыл. Только звонит она мне однажды и говорит, что хочет встретиться, взволнованная чуть, поговорить ей надо, но с одним мной хочет поговорить, без друга значит - это я понял на ее смеси английского, русского и китайского. Ну, не вопрос, с ней, да если ей надо, завсегда пожалуйста. Встречаемся у супермаркета, как обычно, я уж думал, пойдем куда-нибудь поесть, специально не ел до этого. У нее в руках пакет с бутылкой вина. Одета в платье их китайское длинное до пола, без рукавов, плотно под горло застегнутое, волосы распущены, без макияжа совсем. Стройная такая показалась, и серьезная как никогда. Пойдем, говорит, выпьем вина, надо поговорить. Я тут, говорит, номер в гостинице сняла. Удивился я, но решил, что случилось чего, думать много не стал. Приходим в гостиницу неподалеку от моей, номер как номер, на наши дома отдыха по интерьеру похож, телевизор, стол, две кровати. Откупорили бутылку, сели на кресла возле столика, разлили, выпили. На своем английском и том китайском, который она знала, что я уже точно понимаю, потому она сама меня и научила этим словам, она говорит, что родители ее выдают замуж. А она не хочет.

Семеныч закурил. Женя немигая и молча глядел на него, боясь нарушить нить повествования.

- Я, было, сначала насторожился от всего этого расклада, но, как понял, что она просто совета у меня просит, как у умудренного жизнью старшего товарища, расслабился. Чего, говорю, отказаться нельзя никак? Не средневековые же, в конце концов. Поговорить с родителями, объяснить, самой найти кого. Нет, отвечает, бесполезно, даже не хочет об этом говорить. А я и сам в глазах ее вижу, что обсуждать эту тему она не хочет, и даже наша ломаная смесь языков не помеха такому пониманию. Ну что ж, говорю, жалко. Чего делать-то будешь? Замуж, говорит, выходить буду.

Смотрит на меня так обреченно, допила свое вино. Я, глядя на нее, тоже свое допил. Я уже хотел доливать, чтобы разговор по душам лучше пошел, да чтобы грусть ее смягчить. Приготовил уже речь, что, может, стерпит-сялюбится, всякое бывает, слова уже подбираю, но только она, не спуская с меня глаз, как поставила стакан, не обратно в кресло села, а быстро так прильнула ко мне, глаза закрыла и в губы мне поцелуем впила.

Евгений потерял интерес к превращению всего в шутку и молча слушал, держа в обеих руках стакан с недопитым соком. - Уж не знаю, были ли я в ее мечтах принцем на белом коне, по крайней мере, она никогда не показывала мне этого так, чтобы я понял. Может, конечно, внутри ее культуры такие намеки на раз бы поняли те, кому они адресуются, но сомневаюсь я в этом. Такие вещи, как мне кажется, легко можно понять, в какой бы ты культуре не жил. А может, если и думала она обо мне, то не умела показать. Или умело скрывала. Но я-то уж точно никаких неоднозначных знаков внимания ей не оказывал, — фото дочки и жены показывал, рассказывал о них. Так что, думаю, крик души ее это был, от безысходности. Семеныч долил себе сок. Отпил. - В общем, такого самозабвенного секса я не представлял себе. И в той, как мне казалось, школьнице и совсем асексуальной девочке таился удивительно ненасытный тигр. Я даже ошалел немного от всего происходящего. И переход такой внутри самого себя, от доброго советчика дядюшки до объекта страсти в течение пол-сенунды я принял как удар пыльным мешком по голове. Все, что оставалось делать, это просто плыть по течению ее бурного потока. И, если честно тебе сказать, я наслаждался ее преображением в такую отчаянную женственность. Страсть эта напрочь перекрывала и откровенную неопытность ее, и вездесущее девичье китайское смущение, как будто сбросила она такой стыд, как искусственную оболочку, и стала, наконец, самой собой. Ну и, конечно, польстило это моему мужскому самолюбию, прямо помолодел лет на пятнадцать-двадцать.

Семеныч помолчал, закрутив в стакане небольшой смерч сока.

- Терзала она меня полчаса где-то, потом лежала молча, вцепившись в меня еще с час. А я, трахнутый событиями этими во всех смыслах, просто глядел в потолок, и не могло это в голове моей уложиться: что это только что случилось, как у нее все дальше пойдет? Не хотела же она, в самом деле, со мной убежать? Чем жить она будет, с кем, как. Смирившись с родительской волей и вспоминая этот наш вечер? А может, и не вспоминая. Или решившись на что-то? И вообще, кто я такой после всего этого безобразия? Любовник? Спаситель? Обольститель? Или она мной

воспользовалась как объектом, поматросила, так сказать, добилась своей какой-то там непонятной мне цели, изнасиловала и уйдет сейчас в сумерки китайского приморского городка навсегда? Может, котируется это у них там, иностранца соблазнить? – Семеныч усмехнулся. – Ну, в общем, герой-любownik я оказался там в Китае.

Евгений сглотнул и сказал:

- Ну а потом чего?

- Ну а потом... замуж она, наверное, вышла. В кофейне я ее больше не видел. Никто ничего не рассказывал, не знаем, говорят. Я и не расспрашивал особо. Да и мне что ее искать? Чего с ней делать, о чем говорить? Непонятно только, то ли ее жалеть за судьбу ее такую, то ли себя за то, что воспользовалась девка дядюшкой. Но только не воспринимается у меня почему-то это так, даже если так оно и выглядит. Уже очень она ко мне хорошо отнеслась, с душой, что ли, если есть она у них, у китайцев.

Они помолчали.

- Так что вот, не знаю, изменил ли я жене, а может я жертва? – Семеныч опять беспомощно улыбнулся и развел руками. - А может, я облегчитель участи несчастных. В любом случае, не искал я с этой девчонкой любовного контакта, не охмурял ее, да и после всего этого никаких фантазий о ней у меня тоже не возникало. Если вспомнится, то только удивленно, как чудное явление природы, взрыв ее страсти, типа вот и такое бывает.

В прихожей щелкнул замок, и квартира наполнилась голосами жены и

дочери Семеныча. Дарья заглянула на кухню:

- Закончили уже? Чего-то худосочное у вас тут веселье.

- Все ушли уже. Вот Женя Беляев телефон забыл, вернулся.

В подтверждение Евгений поднял со стола телефон и показал его Дарье.

- Привет, Жень. Ну, молодцы. – И ушла обратно в коридор.

Когда Дарья вышла, Семеныч сказал Евгению:

- Хорошо дома. Все знакомое, родное и понятное. И голову ломать не надо над непонятными всплесками экзотических эмоций. – Он вздохнул, - Но все же, нет-нет, да вспомнишь эту девчонку с такой радостной улыбкой и такой неожиданной взрослой страстью.

Женя кивнул, задумчиво глядя в стакан.

- Слушай, Семеныч, а это,.. - он кинул взгляд на дверь и понизил голос, - у них это...

- Чего? - не понял Семеныч.

- Ну, - Женя замялся и опять взглянул на дверь, - у китаянок,.. у них это, правда что ли?.. - он повертел ладонью в горизонтально-вертикальной плоскости.

От неожиданности Семеныч секунд пять удивленно глядел на Женю, а тот в ответ - на него широко открытыми и доверчивыми глазами.

- Ну, я ж это, не знаю, ты ж сказал...

Семеныч тяжело вздохнул:

- Да все у них как у людей, Беляев, мы ж все люди. Давай, иди домой или куда ты там, поздно уже.

Закрыв за Женей дверь, Семеныч вернулся на кухню, остановил взгляд на столе с пустыми тарелками и рюмками, и рассмеялся. Потом собрал тарелки одна на другую, поставил в раковину, включил воду и стал мыть.

Вошла Даша и стала помогать, собирая со стола.

- Ну, как посидели? – спросила она весело. – Ой, мы наговорились у Ленки, да и время почти забыли. – Она помолчала, и вдруг сказала, - Наконец-то ты приехал.

Она обняла Семеныча сзади, в одной руке две рюмки крест-накрест ножками, в другой тарелка, прижалась к нему, и Семеныч радостно рассмеялся.

- И я рад, что я вернулся.

И так ему стало легко в этот момент, легко и понятно, как будто дурацкий вопрос Жени разбил бетонное корку, которая за все это время успела затвердеть на душе Семеныча от множества этих запорошивающих-наслаивающихся мелких хлопьев мыслей. А сейчас куски этого гнетущего груза с неслышным шумом обрушились вниз, не оставляя никаких неразрешенных вопросов, никаких долгов, никакой неясности. Семенычу хорошо было дома.

17\18 ноября 2010

© *Тони Гау*

Полина Синицкая

Родилась в Ростове-на-Дону,
училась\работала в Подмосковье.

Художник, дизайнер.

Участвовала в локальных и
международных выставках.

Бывший член Союза Дизайнеров
Москвы, отчислена за
хроническую неуплату.

В 2006 попала в
Китай и осталась.

Характер не добрый, но
нежный. Очень любит
голландский сыр. При звуках
флейты теряет волю.

Аргонавтика

Аргонавтика лет -
Карта жизни. Вперёд!
Мера чести - под нашими парусами!
След течений - для слабых,
А нам - поворот.
Солнца руль мы удержим сами.

Через тысячи лиг,
Через сотни штормов,
Вдоль фарватера дальних созвездий,
Наш корабль дойдет
До мечты берегов,
А потом? - Разберемся на месте!

Пусть отводят глаза,
Те, кто плыть не посмел.
Выбор сделан и путь уже пройден.
Если счастье в борьбе
За бессмертный удел,
Тот, кто ищет - всегда, да находит.

14.08.08

© Полина Синицкая

Сестрам по ожиданию. Братьям по разуму.

И только небо знает, сколько женщин ждет.
Считает дни усталыми глазами.
Он долетит? Доедет ли? Придет? -
Все молят под чужими образами.

Пусть месяц, год, десяток лет пройдет -
В нас сила ждать и верить остается.
Но каждый шаг и каждый ваш полет,
Нам тишиной глухих ночей дается.

Так знайте же, паломники Земли,
И днем и ночью странствуя повсюду -
Вас ждут, в вас верят, жгут для вас огни,
И ни на миг о вас не позабудут!

02.05.08

© Полина Синицкая

Schlosser* шуточное о женском

Замочник, слесарь я, и знаю что куда,
Ключи? - Скучны. Мне нравятся отмычки.
По связке вашей видно без труда
Какой замок к какой ведет привычке.

Вот первый ключ, от главных он дверей.
Достоин императорского трона.
Зубцы - парад из сказочных зверей,
Головка - золочёная корона.

Второй - от спальни и подходит всем.
Украшенный цветами ювелирно,
Он открывает нам врата в Эдем,
Где купидон пасет овечек мирно.

Ключ третий - от столовой, он хорош.
Добротен, прост в нехитром исполнении.
С четвертым, от амбара, в этом схож,
Один к другому сделан в дополнение.

Ключ от казны - китайский лабиринт,
Сломаешь пальцы, только лишь коснёшься.
Упрятан хитро он и нужен здесь магнит.
Иначе ты к нему не подберешься.

К одной лишь двери в связке нет ключа -
Души замок не каждому доступен.
Должно быть здесь терпение врача,
Уменье вора и шаманский бубен.

Задача сложная, но в этом интерес
Суметь раскрыть невидимое глазу.
Любовь - загадка, мастерство, процесс!
А не ключи, что выдаются сразу.

*Слесарь - от нем. Schlosser, замочник.

© Полина Синицкая

Майские яблоки

Китай начало 1930-х. Китайские студенты-выпускники японского университета Тохоку осознают, что попали под колёса сансары.

Молоденькая сельская учительница, А Няо, молча сидела на бревне посреди школьной площадки, опустевшей в последний день недели как-то совсем уж неожиданно. Будто дождевая водица в канавке позвенела-поиграла, растрепалась, беззаботно смеясь, прозрачными плавниками, рыбкиным серебристым хвостом вильнула, да и уткнулась вся в теплую, размятую детскими босыми пальцами, глину. Просочилась тихонько в землю, как в решето, чтобы потом когда-нибудь, солнечным ясным днем, улететь легким облаком, свободная от всех невзгод, ввысь - к птицам, величавым духам-небожителям, почти невидимым в ослепляющем зените.

Совсем еще недавно, буквально пару лет и тысячу километров назад, обучаясь на факультете литературы Сендайского императорского университета Тохоку в Японии, она так же грелась в тёплых лучах солнца, мечтая о том, как, вместе со своими друзьями Чен Чжичаном и Юань Линем, студентами медицинского факультета, вернётся в Китай, в родное село. Начнёт работать с подрастающим и подающим надежды школьным поколением и, конечно же, писать книги. Для всех! О том, что мечты сбываются.

Брошенная беспечными детьми в преддверии праздничных выходных, словно быстро надоевшая игрушка, она осталась вдруг наедине с собой. За свою недолгую преподавательскую практику А Няо уже успела привыкнуть к такой резкой перемене плотности окружающего пространства, и, облегченно вздыхая, сама торопилась скорее по делам местного кружка пропаганды от Гоминьдана, собирая на ходу разбросанный учениками самодельный инвентарь.

Но сегодня, наступившая после занятий тишина почему-то показалась ей неестественно близкой и оглушающей. Дел в учительской не было. Именно на этой неделе никаких поручений, документов на подпись, справок, бюллетеней, всего этого кабинетного карнавала на палочках вдруг не оказалось.

Удобно расположившись на бревне, закинув голову и подставив лицо послеполуденному солнцу, девушка слушала стрекозину трескотню, далекий голос кукушки и качала ногами в подкатанных по колено штанинах туда-сюда. Ногам ничего не мешало, и это свободное движение только усиливало учительское одиночество, едва сдерживаемый сердечный спазм - когда так умиротворяющее хорошо на душе, и непривычно щекотно в висках, и отчаянно

хочется с кем-то поделиться этим случайным солнечным пухом, но... Юань Лин ведь на Юге. Он на своем задании. На за-да-нии. Дела у него. Нужные и важные, ком-му-ни-сти-чес-кие.

Чтобы писать хотя бы чуточку так же, как писал свои книги Лу Синь, нужно заразиться этой болезнью очень сильно и остро переболеть. Как лихорадкой – с температурой, бредом, измятыми выпотевшими простынями и горьким полыневым чаем на языке. А потом уже, после счастливого выздоровления, со спокойной душой неторопливо подсчитывать минуты-песочинки, в ожидании очередного приступа. Но ведь литература, как учил ее в свое время отец - это искусство. Искусство болеть сердцем, головой и трясущимися пальцами, неловко теряющими сточенный черенок записного карандашика рисовать на бумаге собственный сбивчивый пульс. Да черт с ним, с карандашиком. Всегда в каком-нибудь кармане найдется еще один, на то они и карманы на куртке образцового работника агитационного кружка и подающего надежды сельского преподавателя.

В одном из карманов нашлось забытое яблоко, подаренное в благодарность застенчивой девочкой с длинными тонкими косичками. А Няо посмотрела на гладкий плод, поблескивающий восковым, тугим и по-весеннему зеленым боком. И хотя яблоки рождаются под конец лета, бывают среди них особенные – майские. Когда надкусишь и понимаешь - май вокруг, цветы и птицы, а если кто-то зудит в это время про август и тычет пальцем в календари, значит, не пробовал еще этих самых майских яблок. Наверное, там, наверху, во дворце небесного императора Юй Ди растет целое дерево, а птицы садятся на него отдохнуть и лакомятся сладкими сказками, чтобы потом заблудившийся в рабочем кабинете Юань Лина скоморошный ветер, донес до его губ их ароматный привкус.

Этим болеют даже на небесах. И посылают людям приветы зелеными фруктами из ладошек застенчивых учениц.

Катая на языке хрустящую мякоть, девушка быстро-быстро записывала в блокнотике, накидывая ровные строчки одна на другую: «...Чен Чжичан, глава нашего Гоминьданского кружка, очень умный, в нем есть сила патриотизма. Он самый честный из всех нас и называет вещи своими именами. Только по-своему, конечно. Зато он этого ничуть не скрывает и постоянно бросает вызовы Юань Лину. Другой подошел бы просто и сказал: «Ты раздражаешь меня одним своим существованием, коммунист и безумец!». И была бы обычная, скучная и лишенная всякого благородства потасовка с известным финалом. Но нет, Чжичан не считает Лина безумцем, и каждый раз играет с ним в шахматы-сянци, подчеркивая тем самым свое уважение к взглядам Лина и простую соседскую искренность...»

Всякую вещь ведь можно пережить по-разному:

«Почем один цзинь? – старушка на базаре скептически тыкает шкурку яблока безымянным ногтем - А чего такие зеленые, недозрелые что ли? Как дорого, куда только Комитет смотрит! Ясное дело, у них на уме то коммунисты, то японцы. Потому и яблоки кислющие такие, который год уже – следить-то некому. То ли дело дед мой растил. Все правильно у него всегда было, все по сезонам, день в день.». И май тоже по календарю.

А можно одеться, как мальчишки в детстве, и бегать, что ни день по улице, надев доспех древнего генерала, с петушиными перьями и соломенным панцирем, вперед – злодею грудь пронзает самодельным гуаньдао из конюшни. И тогда, вот она – каждый день весна.

Никто ни за что бы ни подумал, что на самом деле Юань Лин относится к Чен Чжичану очень серьезно. В чайной рассказывали, что тот самый доспех из детства Чжичан поставил на партию и, как всегда проиграв, преподнес его коммунисту, стоя на коленях, с поклонами в землю, все как завещал Конфуций. Лин принял доспех, не смог обидеть, но позднее все-таки отослал обратно, приложив записку, что такую ценность возвращает с почтением самому уважаемому жителю деревни. А сам носить не сможет, потому что не настолько овладел еще мудростью предков.

Наверное, Юань Лин просто стесняется. Он стесняется искренности, и он не считает нужным говорить об этом вслух, в отличие от Чен Чжичана, у которого искренность – врожденная форма осознания мира. У Лина же совсем наоборот - она человеческая, теплая и босая, спрятанная за надежными и-де-о-ло-ги-чески-ми стенами и опечатанная красной звездой.

И когда Юань Лин возвращается из юго-восточных провинций, то сперва долго, молча, пьет чай, а потом уже рассказывает нетерпеливым слушателям заведения обо всем очень просто, в порядке вещей. Был враг – нет врага. Был злодей – нет больше злодея. Добро всегда побеждает зло. Был шпион – не стало шпиона. И о себе, сбиваясь... Но Чен Чжичан быстро и словно в шутку прикрывает ему рот мягкой пухлой рукой, уводит в дом, запирает в комнате ставни и укладывает Лина спать. Подкручивает светильник до тех пор, пока тени не начнут наползать на маленький язычок пламени, и долго-долго смотрит на спящего друга.

Легкий стук по крыше, звон колокольчиков – слышался ли? Шорох за окнами. Из щелей, из темноты углов, из-под потолка втекает в комнату, поводя любопытным носом, иссиня-черная лошадь-ночь. В глазах у нее бездна и бродячая луна, грива вся из звезд и хвост как Небесная Река, а ноги длинные,

тонкие и стройные. Она аккуратно подходит к спящему Лину и тихо ложится рядом, сомкнув ресницы, а он обнимает ее крепко руками и ногами, и плачет сквозь сон в ее черный тёплый бок, совсем как ребенок. И пяткой беспокойно тычется в отливающий атласом круп. И тогда лошадь-ночь поднимает его и уносит с собой, кататься в небесных садах до самого утра..

А Няо сдерживает вздох и вдруг слышит детский звонкий голос за спиной:

- Няо Лаоши что за закорючка такая? – неизвестно каким образом возникший на площадке малыш Сяо крутит листком, пытаюсь разглядеть получше густые чернильные мазки.

- Это лошадь, Сяо Сяо. Ма-а, третьим тоном. Ло-шадь, - терпеливо поясняет А Няо, забирая листок, – Можно? – дорисовывает, - Смотри, вот это ты на ней, твои друзья Сяо Ян и Сяо Юй...»

Малыш забирает огрызок карандаша и удлиняет лошадиную спину: «И мама, и папа, и бабушка, и вторая тетя, и вы тоже здесь, и Чен сяньшэн, и господин Юань... Няо лаоши, а кто такие коммунисты?» Лошадь получается очень длинной, такой длинной, что заканчивается на обратной стороне, практически замыкаясь в круг.

«Вот ведь, подумать только! Кем же станет мальчишка, когда вырастет? С кем и против кого будет бороться? » - крутится вихрь вопросов в голове молодой учительницы. Но мальчик, широко улыбаясь, уже убегает домой, так и не дождавшись ответа – похвастаться каллиграфией.

«...А ночью, стуча по крышам копытами, Лин подсаживает А Няо в седло и они вдвоем едут за Чжичаном – тайком собирать императорские яблоки самого Юй Ди...»

Девушка дописывает последнее уже в ранних сумерках, закрывает блокнотик, пряча карандаш в карман. Вот и еще один день прошел, а потом выходные, хотя выспаться все равно не получится. А потом наконец-то вернется любимый. Обязательно вернется, потому, что по-другому быть не должно.

- Я хочу, чтобы мы с тобой, брат Юань... Вместе.. - шепча про себя, она краснеет и опускает глаза.

- Т-сс, - ветер ласково гладит по голове, - Спасибо, сестричка Няо, поверь для меня это очень важно..

...

Ноябрь наступил совсем незаметно, возможно потому, что вместо августовского возвращения на родину, пришлось задержаться в Японии. Юань Лин, уставший,

лежит в горячей ванне источника Такарагава-онсэн в Канто близ Токио и смотрит сквозь тающий пар на далекие облака. Предвоенный конец лета выдался очень плотный, но на удивление почти не опасный для работы с японцем - бывшим сокурсником по университету Тохоко, а теперь тайным информатором. Хотя вероятно, китаец уже настолько привык к постоянному высокому напряжению в разведке, что возможные опасности уже не вызывают никаких посторонних эмоций. Только рациональный счетчик стратегий отщелкивает дни шахматными фигурками в голове. Но осень, шалая девка, смеется над ним и манит призывно алым кленовым листом, щекоча нутро. И Юань Лин вот-вот сейчас кинется в ее объятия, закружит, и повалится вместе с нею на теплые сосновые доски настила... И будет отчаянно пить из ее губ всю свою тоску по родным местам, тискать ее и мстить за нарастающую яростную беспомощность.

Порой они с Чен Чжичаном и А Няо мечтали о новой жизни. Гуляли вечерами в роще или чай пили в доме Лина, и непринужденно болтали, не смотря на все противоречия взрослой жизни. С ними нельзя так. Чжичан - Май. А Няо - вера. Близкие друзья – это не отчетное расписание, это совсем другой календарь, новый. И в том календаре не должно быть места для политических игр. И так даже лучше. Они ведь все трое безумно любят свою родину, и все решают без сожалений..

Юань Лин передвинул полотенце с затылка на лоб, почесал бок и мысленно пересчитал восьмимиллиметровые пули в магазине своего Намбу, что был надёжно спрятан в номере. В этой тайной работе он не только выполнял свой долг, но и находил себя. Какой бы непредсказуемой ни была работа, она всегда держала его в форме, и никем другим, кроме как коммунистом, пытающимся спасти страну от хищных нападок островной империи, он себя и не представлял.

Сегодня он гость в семейном онсэне, завтра - шпион, а через день - убийца. И будет беготня по вагонам и привокзальным улочкам, суматошный собачий лай, дым от выстрелов и колкий звон разбитых стекол токийского отеля. Брызнет липкая кровь на грудь, подвернется уставшая щиколотка и мышцы, сжатые тугой пружиной натолкнутся в рукопашной на чьи-то другие, такие же окаменевшие руки. И два искаженных в гримасе рта почти сольются, ненавистью вгрызаясь друг в друга, борясь каждый за свою правду. Не за мир, разрезанный на куски, а за тот, новый мир, о котором пишет в письмах повзрослевшая А Няо, и в который так хотел бы вернуться Юань Лин. Но когда он об этом рассказывал Чен Чжичану, тот всегда мягко просил замолчать и в свою очередь, уже в тишине, разворачивал на несколько минут свою карту с пометками расположения воинских частей. А может и вправду не стоит

говорить обо всем тому, кто не желает слушать? В конце концов, его друг уже не мальчик, а глава комитета пропаганды провинции и отдает себе отчет во всем происходящем.

Китаец почесал ногу и, снова окунувшись в ноябрьское небо, вздохнул. Там, высоко, важно вытягивая точеные ножки, горделиво летел белоснежный чудозверь - с пушистой гривой и смешным любопытным носом, а на спине у него сидели, держась за руки его друзья, которые оставались таковыми вопреки всему, и ели майские зеленые яблоки.

Каково же сейчас А Няо, на пустынной школьной площадке? Сегодня ее дети разбежались по домам, где ждут мамы и пирожки со сладкой фасолью. А завтра все эти мальчики и девочки разбегутся по разные стороны жизни, и будут выполнять для своих комитетов задания, с которых далеко не каждый сможет вернуться назад. С какой-то стороны, нам, борцам с пламенным сердцем, легко бросать себя так вот в самое логово врага и умирать героями для народа. А Няо же останется одна, посреди своей жизни, и будет писать книги о том, какими были её друзья - гордыми и благородными. У всех своя работа. Каждому свой календарь.

Но, что же делать ему, Юань Лину? Просто остаться в живых, как просила его девушка? Или вести гибкую дипломатию, как советовал друг? Как разделить себя на три части простым иероглифом Жэнь. Че-ло-век. Китаец. Коммунист. Друг. И этим поставить под угрозу дело своей страны.

Но ответов на все эти вопросы не было, а потому, Юань Лин просто дружески помахал облаку, а затем поднес ко рту и надкусил невидимое зеленое майское яблоко.

ноябрь 2010.

© Полина Синицкая

Эпилог

© Тони Гау

Захлеставший в преддверии литературного вечера ливень застиг нас на подъезде к Гуанчжоу. Это был настоящий тропический водопад из небесной бочки, приступивший к нам так внезапно, что можно было отчетливо зарегистрировать тот срез реальности, где воды вот-вот, и еще нет, и тут же, — через метр, - почувствовать как ты врезаешься в ровную стену жидкости, жажнувшую по вечернему полотну автострады. Дворники впустую шаркали по стеклу, и, кроме отчаянно запульсировавших аварийек внезапно замедлившегося вечернего гуанчжовского траффика, ориентироваться можно было лишь по обрывкам ментальных картинок, которые наш коллективный мозг успел захватить в последнюю секунду перед ливнем. Страх утонул в отчаянной радости от безысходности ситуации, - плыть можно было только по течению и с его, течения, скоростью. Стало легко и просто, нервных смех и — как у буддистов — оторвалась привязанность к желаниям. Громкость радио из прошлого века — вверх, чтобы перекрыть аккомпанемент барабанной дробы дождя, смывшего народившиеся, было, опасения оттого, что мы можем

опоздать (уже опоздали!), что, может, прибавить газку? (не может!), что можем выбрать альтернативный маршрут (нет альтернатив в набухшем потоке зажавших нас крадущихся седанов, автобусов и грузовиков!)... Копошившаяся все это время на задворках сознания мысль «А найдем ли адрес?» задорно, как отрезала, ухнула вниз, а сменившаяся перспектива жизненных ценностей выставила на передний план совершенно другие серьезные вопросы бытия, которые, как ни странно, воспринимались легко и свободно. Весело подмигнувшая лампочка отсутствия бензина и запах свежести от размазанных по мокрому шоссе огурцов, веером рассыпавшихся из принявшего удар вбок и раскорячившегося на три полосы грузовичка, лишь плеснули масла в занимающийся огонь беспочвенного веселья освободившихся от надежды литераторов.

И тут, опоздав на два часа, без плутания и нервов, нам будто бы подфартило. Бар нашелся, парковка в его кривом переулочке нарисовалась сама собой, и мы совсем не припозднились относительно других пришедших. Казалось, трудности закончились, и началась малиново-варениевая полоса. То, как прошел вечер, читайте на первых страницах с картинками. Сейчас же начинается эпилог.

Литературный вечер, как и дождь, закончился, озвученные стихи и проза грели душу. Непрочитанное томительным зверьком шевелилось в груди, но с привкусом радости оттого, что не пришлось краснеть за хулиганские писульки. Казалось, хорошо — это когда тихо и спокойно, а плохо — это когда трудности и беспокойство; и хорошо, когда последние кончаются и лучше бы они не начинались. Все расходились по домам, было жарко, но терпимо, даже свежо. Проблема ночевки была решена, - меня вписывали к себе на постой, - да не просто так, а сам местный поп. Тут и о вечном поговорить можно, и чайку под зелёной лампой. Радость от общения, сложившийся сам собой паззл реальности, схлынувшее нервное напряжение — все это пьянило радостью от невыносимой легкости бытия, - до того момента, как отец Александр и я остались наедине с ломаным гуанчжовским переулочком и осознанием факта, что мы оба не знаем, как, собственно, ехать к нему домой по поверхности Земли. В метро, - пожалуйста, а вот по дорогам — увольте. В метро с машиной не пустят, даже пробовать не хотелось. А хотелось спать. И разговоров о вечном под чай. Ориентир, - отель, - в русском фонетическом изложении оказался, после переговоров по скайпу и задействованием местного менеджера и его интернета, совсем не тем отелем. Секунды вечера падали сквозь воронку времени и превращались в минуты ночи. Наконец было решено ехать по звездам к вокзалу, а там уже рукой подать. Трудности и беспокойство вылезли обратно тугими змеями из-под притворившегося незыблемым камня, на котором обосновались, было, тишина и покой. Лампочка пустого бензобака уже не веселила. Поп сиял спокойствием и умиротворенностью, на фоне которых

мой мандраж переливался неоном как вывеска о нестабильности человеческого бытия и ужасе возможных проблем.

С этих минут началось духовное путешествие вашего покорного слуги по пустынным улицам Гуанчжоу.

Беспокойство от еще не совершившейся остановки посреди улиц портило уже имеющуюся на руках реальность. Глаза сканировали город на предмет заправок, а ни одной даже самой захудалой не было и в помине. Где они все заправляются? Чувство вины оттого, что завтра с утра пораньше на службу — и попу, и мне, многогрешному, — а я тут тяну время за полночь, никак не смывалось добрыми словами в противовес. Доехали до вокзала — а тут уж недалеко и дом, как оказалось. Мучимый сомнениями: пойти спать и положиться на чудо, выспавшимся гоняя на остатках бензиновых паров с утра, или же потратить время и, не пускаясь в авантюры, найти заправку сейчас, — я тянул до последнего и робко озвучил ситуацию, обрисовав вполне осязаемую возможность застрять на утренних дорогах в поисках канистры с просьбами к местным отсосать бензинчика. Было решено проехать чутка по дороге, и, наверняка, будет заправка.

Проехав поворот на блеснувший было призывными теплыми огоньками дома, мы покатали по пустынным полупустынным улицам.

На светофоре окликнул таксиста: где, мол у вас тут, товарищ, заправочная станция? Таксист, оправившись от разрыва шаблона, наморщил лоб и сказал, что тут вроде нет. Да как так! Не может быть! А, нет, если ехать по дороге прямо и потом направо, через пять километров должна, вроде, быть заправка. Фигасе. Я думал — может, пара сотен метров. Но - ура. Спасибо, шеф.

Гуанчжоу, надо сказать, всегда пугает приезжего провинциала обилием развязок и интенсивным потоком машин. Вот, например, четыре развилки, три уровня, GPS ведет себя как будто это единственная возможная дорога, указатели остались позади, да они и на китайском — и, положившись на авось, мы влетаем на не ту развязку. Пара таких трюков, и я уже забыл, в какой стороне долгожданный приют, не то, что обещанная заправка. Единственная отрада, что на ночных улицах машин намного меньше. Но оттого, что сейчас мы летим в противоположном от указанного направлении, хоть и по пустым улицам, кошки на душе начинают вырезать когтями глубокие борозды.

Следующий таксист так же морщит лоб, силясь вспомнить, где тут у них подливают бензин. Я почти кусаю руль от нервного напряжения и растущего чувства вины. Поп безмятежно наблюдает за событиями и уверенно говорит мне, что все нормально, спать совсем не хочется. Злость на собственную глупость смешивается с ужасом от страшного греха, которым я удерживаю священнослужителя от подготовки к службе, от отдыха, от чего там еще я его отрываю, многогрешный...

Пару секунд мечусь в раздумье, куда повернуть, как в тумане опять выбираю не ту развязку, ненамеренно подрезав одинокого таксиста. Извиняюсь аварийкой, складываю руки лодочкой в зеркало заднего вида и прошу его простить. Он нагоняет меня слева и тычет указательным пальцем в мою сторону. Вот не знаю, что у меня переклинило, и я с удивлением гляжу вправо, думая, что он указывает мне там на что-то интересное. Ничего интересного в той стороне нет, с разочарованием смотрю на таксиста: чего, мол, показывал, и тут усталый мозг подбрасывает объяснение того, в кого он на самом деле тычет пальцем и чего может значить его выразительный, с выключенным звуком, монолог. Он газует, а я с грустью смотрю на уходящую вправо подо мной правильную дорогу и обречённо качу по бетонной полосе в левую неизвестность. Чую, что неверно все это: волнения, обречённость, душевное томление, но совладать с собой не могу. Поп умиротворенно поддерживает беседу, подавая мне пример спокойствия духа, который я вижу, но не могу схватить и принять, тянусь к нему короткими ручонками души, а лишь чиркаю по краю и сжимаю в кулачках

пустоту.

Заправку мы нашли почти тогда, когда я уже смирился с прокрученной во всех деталях в голове мыслью о том, что будем сейчас подталкивать машину к бордюрику, голосовать, переговариваться с любопытными прохожими, умолять случайных водителей отлить бензина, - хорошо хоть в тишине ночной, а не в безумии утреннего трафика. И тут - неон и красные с белым эмблемы главного китайского заправщика. Слава Богу! Облегчение и радость почти уравнивали страх и трепет.

Теперь - в тишь нашего сегодняшнего пристанища. Безумием было бы вспоминать обратную дорогу по даже ненаброшенным нами крошкам. Зарядили карту на вокзал, вернулись к нему, потом по уже знакомым моему пассажиру тропкам — к его дому. В который раз извиняюсь за сумбурную экскурсию по ночному Гуанчжоу, в который раз получаю умиротворяющий ответ, который, несмотря ни на что, только и помогает, что еле оставаться наплаву в этом озере почти что отчаяния. «Да я вообще за любой кипиш, кроме голодовки», - говорит он мне, и я благодарен ему - и уже не подтруниваю про себя про украинский «г», про интонации и ударения, и про эту нашу, по моей, очевидно же, вине, голодовку.

Въехали в компаунд. Была бы поверхность озера моего сознания более гладкой, я бы пошутил про «понакупали машин». Но страстями одержимый мозг лишь посылал слабые команды ословелым глазам найти хоть уголок, где приткнуться.

Микрорайончик, где проживает поп, был так плотно заставлен автомобилями по обеим сторонам дорожек, что две встречные машины ни в жизнь бы не разъехались. Как же здорово, что сейчас ночь. И как, с другой стороны ужасен этот же самый факт, лучше не думать. Сделав круг почета, вернулись к воротам. Вроде есть место на круге, где уже стоит один нарушитель. Тут же вальяжно подходит к нам охранник, молодой парубок, лениво замахавший на меня руками, не велено, мол. Прошу войти в ситуацию, время два часа

© Тони Гау

ночи, некуда встать, пожалуйста, никому не мешаем, нам всего лишь на одну ночь, вон тут уже такой же стоит, и т.п. и т.д. Демон во мне услужливо подставляет увеличительное, - ну и немного кривоватое, не без этого, - стекло, через которое я вижу, как наглый охранник, подбоченясь, складывает губы сковородничком, презрительно фыркает, говорит, что надоело ему тут со мной, с высокомерием гуанчжовского охранника в таком важном месте прищипывает в лучших традициях китайского уличного театрального преформанса и кивком показывает мне, пшел вон. Ярость от такого обращения вскипает как волна. На застилающий глаза экран мне проецируют рой мыслей: да как он смеет, где вежливость обслуживающего персонала, ладно бы вежливо сказал, а он вот так! - да ты никто и звать тебя соответственно, сразу же видно, что ничтожество радуется, что может на лаовае показать власть! Рука уже тянется к плетке, чтобы наказать холопа, но взгляд падает на спокойствие источника попа, и я одергиваю себя. Плетка оказывается не использованной, но машущий заостренным хвостом дракон искрит из моих глаз, и упивающийся безнаказанностью охранник спускает на него своего дракона. Оттаскиваю своего зверя за поводок за спину, удерживая себя от уродского выяснения отношений с охранником, взываю к его человечности: «А где же запарковаться? Нам же всего на одну ночь. Помогите, братан, а?» - и получаю капающий зеленым самодовольством ответ: «Покупай место на парковке за...» - он делает тетральную паузу, цыкает, со чмоком губами - «350 тыс. юаней». Меня поддалкивают изнутри, и я с прищуром зло смотрю на него. А он стоит довольный, что хоть каким-то боком имеет отношение к таким сферам богатства, - подбородок вперед супротив лузера-лаовая. У меня на кончике языка уже юлой вертятся все эти обидные слова, - чтобы указать ему на его место, а он именно это понимает и чувствует, готовый. Видно, что не первый раз разговаривает так, мстит, наверное, за такое к нему отношение. Демон внимательно смотрит на поведение дерзкого паренька, выискивая любой повод, чтобы оправдать физическое наказание наглеца, почти в лицо вызывает его на слабо. Я еле сдерживаюсь, мы уезжаем, я смят, я проиграл. Или не проиграл? Спрашиваю у попа, говорит, не проиграл. Все равно обидно. Не могу отогнать от себя мысли, что надо было бы сделать с этим гадом. А ведь нельзя так. Я чувствую жаркое дыхание дракона, сжимаю зубы. Не надо поддаваться. Чувствую вину то ли оттого, что уже поддался этому бьющему меня мандражу, то ли что не «показал ему». До сих пор никогда такого не было, видимо умиротворенность надо отвоёвывать. Едем на второй круг.

По обеим сторонам заставленному машинами проезду навстречу нам кто-то едет. Вжимаюсь вправо, он отщелкивает слепящие фары, - ничего себе, лаоваи в машине. Поравнявшись, просит меня опустить окно. «Вы русские?» - молвит он на чистом великом и могучем. Отвечаю правду. «А вы - батюшка?» Не успеваю сдохнуть, батюшка отвечает сам за себя. «Можно вас?» Они выходят из машин, говорят неподалеку. Я жду, потом отъезжаю — мы наглухо забаррикадировали

дорогу, и навстречу мне уже несёт еще одного ночного ездока.

Поп возвращается, садится рядом со мной, радостный. «Так вот зачем нам надо было колесить. Встретить надо было этих ребят.» Похоже на правду. Обида за то, что, выходит, зря потратил столько нервов, перевешивается чем-то полезным, значимым.

Кажется, в этом жилом комплексе — одни русские. По крайней мере, ночью. Постоянно видим их, снующих туда-сюда, отец Александр то и дело здоровается с ними. Суемся в подземную парковку, нас не пускают, паркуемся внаглую прямо на въезде в нее, за еще одним находчивым. Порываюсь уехать в ночь домой, или заночевать за воротами, начинается ливень, опасаясь мести наглого охранника, но сил торговаться с совестью уже нет, бросаю железного коня, следуя за попом в его обитель.

Еще раз извиняюсь, что заставил колесить полночи по городу. Опять эта глупость — ясно же теперь, зачем колесили. И чтобы драконов моих рассмотреть, наконец-то, увидеть их, узнать, с кем тихонько сражаться надо — не иначе, присутствие попутчика моего катализатором выступило. Но воспитание

не позволяет не извиняться, и тут же ругаю себя за то, что выгляжу каким-то чеховским Червяковым из «Смерти чиновника», и этот дикий микс сегодняшних страстей мотает меня в своем водовороте, но я уже знаю, где надо останавливаться. И, хоть сегодня не остановился, но, наконец-то, узнал, где нужно это делать. И единственно из-за этого уже можно считать наш литературный вечер удачным. Ну, и, естественно, из-за того, что встретили, наконец, те пацаны батюшку. Ведь нужно им было. А я им его как раз и подвез.

В общем, нестандартный получился день по количеству эмоций, событий и коллекции совершённых глупостей, которые, казалось, никогда не совершил бы. Как бы то ни было, все-таки, когда тихо и спокойно, это тоже хорошо. А когда трудности и беспокойства — это не повод ворчать на ситуацию, пытаюсь вернуть ее к тишине и покою. Напротив... — вернее даже не так, не «напротив», а в другой системе координат, вне этой диалектики «хорошо — плохо», «удобно — не удобно». Тут больше игра с собой, за мир внутри, вне зависимости от внешних обстоятельств. Ну, типа того, что как бы ты ни гнал свой болид по неровным поверхностям с ветерком, а стакан воды на торпеде расплескаться не должен... Ну, или если кому-то нравятся другие метафоры — как бы ни штормило, а ты на своем «Арго» должен удержать амброзию в кубке без тени ряби. А рассуждать и, тем более, роптать или даже ругаться с градусами уклона на дороге или с волнами на море — штука интересная, безусловно, но не такая захватывающая.

Ну и, конечно, хорошие рассказы и стихи читали на вечере. Не без этого.

Тони Гау

Альманах «CRUX» является некоммерческим изданием и публикуется на общественных началах группой лиц, заинтересованных в продвижении и поддержке русской культуры.

Данное издание не является официальной публикацией, и все работы, содержащиеся в альманахе «CRUX», могут быть изданы где-либо еще на правах первой публикации.

© Права на все тексты и изображения принадлежат их авторам.

По вопросам авторских прав, копирования, издания работ, публикации в альманахе, участия в русскоязычных литературных встречах южного Китая обращаться по электронной почте: anthgau@gmail.com

Гуанчжоу, 2013

Бесплатно